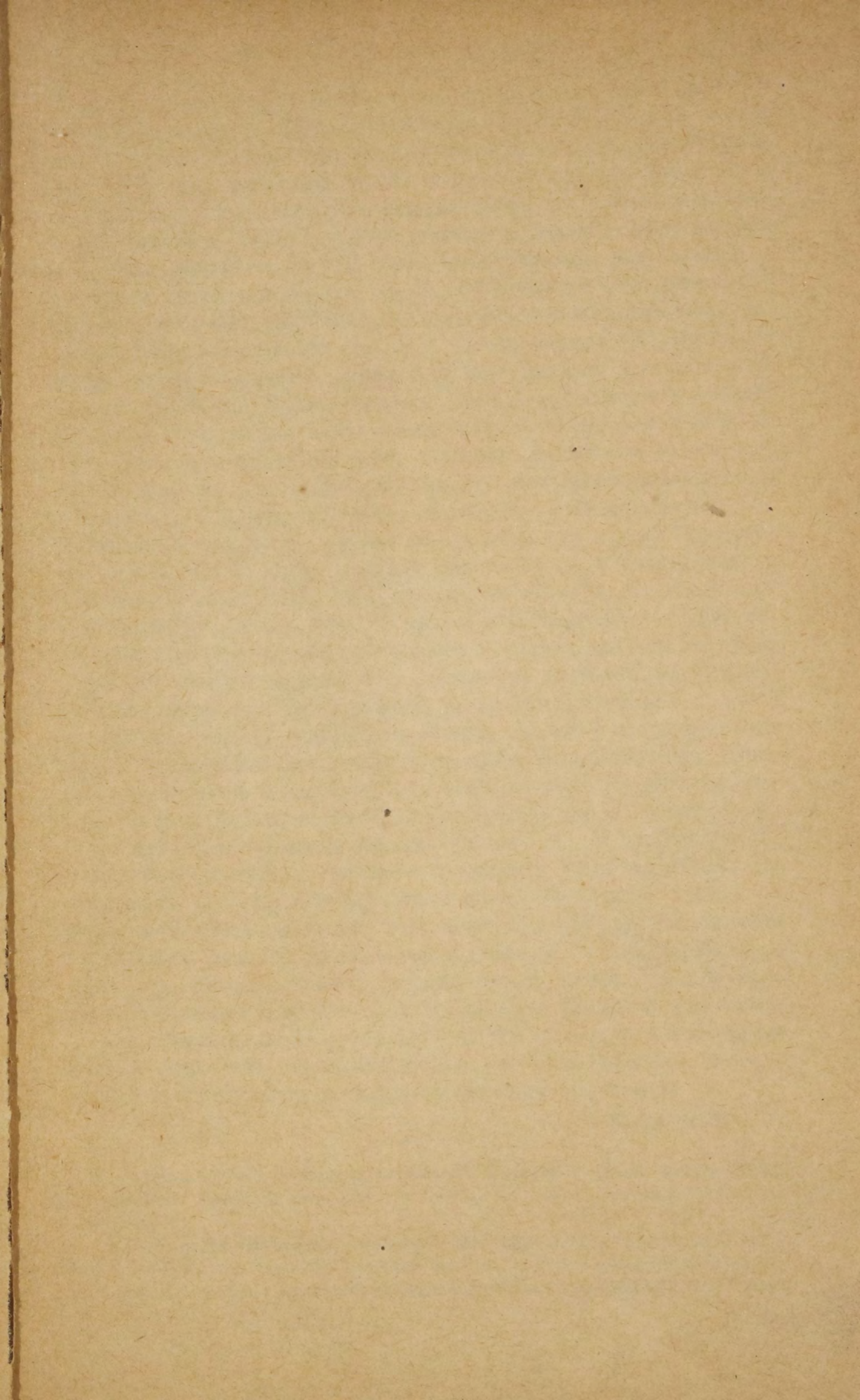

13453.

БИБЛИОТЕКА
УЧЕНОГО КОМИТЕТА МВН. ФЛН.

Бюро образуетъ общество, признанное юридическимъ лицомъ швейцарскимъ правительствомъ. Кромѣ комиссіи (изъ 15 членовъ) *), въ составъ которой входятъ представители разныхъ мирныхъ обществъ, оно собираетъ еще своихъ членовъ на общіе съѣзды, которые обыкновенно слѣдуютъ за съѣздами мира. Бюро составляетъ главный центръ для всякаго рода справокъ по вопросамъ войны и мира, облегчаетъ сношенія между мирными обществами всѣхъ странъ и заботится какъ о созваніи ихъ съѣздовъ, о выработкѣ для нихъ программъ, такъ и объ исполненіи ихъ рѣшеній и о распространеніи свѣдѣній о послѣднихъ въ возможно-широкихъ слояхъ населенія. Такимъ образомъ по идеѣ этотъ органъ долженъ превратиться въ главное орудіе объединенія и направленія всего сложнаго и великаго дѣла мира въ наши дни. И надо сознаться, первые его работники и особенно Дюкоммен **) принялись за эту задачу съ большою любовью и энергіею. Во-первыхъ, бюро ведетъ обширную переписку, не оставляя по принципу ни одного письма безъ отвѣта, а число ихъ въ среднемъ приходится до тысячи въ годъ. Краткія свѣдѣнія о нихъ и обо всѣхъ получаемыхъ имъ сочиненіяхъ и брошюрахъ оно помѣщаетъ въ своемъ органѣ *Correspondance autographiée*, выходящемъ два раза въ мѣсяцъ и высылаемомъ во все общества мира. Затѣмъ бюро позаботилось объ открытіи при себѣ спеціальной бібліотеки мира. Здѣсь собирается и распределяется по прекрасно составленному плану все, что пишется о мирѣ въ какой бы то ни было формѣ: отъ газетной замѣтки и до обширныхъ научныхъ изслѣдованій. Такъ уже составились 600 картоновъ, въ которыхъ, благодаря принятой рациональной системѣ, легко ориентироваться каждому и получить нужныя справки по всевозможнымъ текущимъ вопросамъ. Бюро, кромѣ того, принялось за составленіе точныхъ списковъ обществъ мира, состоявшихся третейскихъ рѣшеній, очерка успѣховъ идеи мира, и издало въ систематическомъ порядкѣ постановленія мирныхъ съѣздовъ съ 1889 г. Какъ видно, обширнѣйшая программа, требующая громадныхъ усилій и большихъ матеріальныхъ средствъ. А между тѣмъ послѣднія болѣе чѣмъ скромны. За первые четыре года содержаніе бюро обошлось въ 20 тыс. фр.; взносами отъ частныхъ лицъ и обществъ оно получило до 24 тыс. фр. Мизерные гроши, если подумать о той неизмѣримой пользѣ, которую оно призвано принести и отчасти уже принесло. Правительство Швейцаріи ассигновало въ пользу бюро по 1,000 фр. въ 1894 и 1895 гг. Все это только первые шаги, и можно быть увѣреннымъ, что учрежденія, подобныя бюро мира, не погибнутъ, но окрѣпнутъ и разрастутся ко благу человѣчества.

Гр. Л. Камаровскій.

*) Трое изъ нихъ составляютъ постоянный комитетъ и должны жить въ Бернѣ. Уставы этихъ органовъ, одобренные въ 1892 и 1893 году, напечатаны стараніями Discorin.

**) Со стороны Дюкоммена служба его дѣлу мира и бюро—настоящій подвигъ, ибо онъ и безъ того заваленный работой челоуѣкъ, состоя секретаремъ весьма сложнаго желѣзно-дорожнаго предпріятія (общество Юра-Симплонъ; Concord. 1896. March).

И. Г.

Торольдъ Роджерсъ объ экономической исторіи Англіи *).

Большинство историковъ совершенно игнорируютъ экономическія явленія,— такъ начинаетъ Роджерсъ свою книгу,— а между тѣмъ эти явленія даютъ намъ ключъ къ объясненію социальной жизни народовъ въ различныя историческія эпохи. Благодаря такому пробѣлу, исторія страдаетъ неточностью или, вѣрнѣе, неполнотою. А между тѣмъ сами же историки единогласно признаютъ, что книга, которая не въ состояніи объяснить прогресса даннаго народа, не заслуживаетъ права на существованіе. Если экономистъ, разсматривая производительныя силы страны, не принялъ во вниманіе тѣхъ условій, которыя породили или видоизмѣнили ихъ, онъ легко можетъ ошибиться въ своихъ конечныхъ выводахъ. Безъ надлежащаго освѣщенія исторія представляетъ беспорядочный сборъ фактовъ, а политическая экономія обращается въ туманную метафизику.

Во всѣхъ учебникахъ и руководствахъ, даже самыхъ элементарныхъ, вы найдете перечень различныхъ историческихъ событій; всѣ расскажутъ вамъ о страшной чумѣ XIV в., всѣ констатируютъ тотъ фактъ, что англійскіе короли въ своей борьбѣ съ Франціей пользовались всегда поддержкой фламандцевъ, что въ концѣ XIV в. въ Англіи было сильное возстаніе, въ XV—кровавая гражданская война, въ XVI—упадокъ національнаго престижа. Но до сихъ поръ никто изъ историковъ не задавалъ себѣ вопроса, не участвовали ли здѣсь экономическіе факторы, не способствовали ли они въ значительной мѣрѣ возникновенію этихъ событій. XVII вѣкъ былъ весь поглощенъ своими войнами; онъ не оставилъ намъ никакихъ данныхъ экономического порядка. Его политическая исторія была писана много разъ, но никто не касался его экономической и социальной исторіи.

Я посвятилъ лучшіе годы своей жизни,— говоритъ авторъ,— на изученіе исторіи съ этой стороны и надѣюсь доказать, что самыя важныя политическія и социальныя явленія имѣли часто въ основѣ экономическія

*) *Interprétation économique de l'histoire*, par Thorold Reogers (cours professé à Oxford).

причины. Правда, въ исторической наукѣ, — продолжаетъ онъ, — замѣчается прогрессъ: историки уже не довольствуются однимъ голымъ перечнемъ фактовъ, они обратились къ изученію древне-конституціоннаго режима и правовыхъ учрежденій, но все еще продолжаютъ игнорировать экономическія условія, которыя главнымъ образомъ опредѣляли ходъ историческихъ событій. Что же касается соціальной жизни народовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то о ней упоминали только мимоходомъ.

Философію исторіи часто упрекали въ предвзятой точкѣ зрѣнія; да и въ самомъ дѣлѣ, ей довольно трудно удержаться на высотахъ объективной мысли и быть всегда безпристрастной. Историкъ же, избирающій болѣе скромный путь, — экономическое толкованіе исторіи, — находится въ болѣе выгодномъ положеніи. Если мнѣ удастся доказать, — говоритъ Роджерсъ, — что цѣна хлѣба въ первой половинѣ XVII в. поднялась на 55 шиллинговъ, а заработная плата, благодаря возмутительнымъ мѣрамъ администраціи, осталась на томъ же уровнѣ (менѣе шести пенсовъ въ день), мнѣ нечего бояться нападокъ критики, которая станетъ отрицать угнетеніе рабочихъ классовъ.

Если я установлю тотъ фактъ, — продолжаетъ онъ, — что пахотная земля арендовалась въ XVII в. въ десять разъ дешевле, чѣмъ въ половинѣ XIX вѣка, никто не переубѣдитъ меня, что Рикардо далъ намъ неполную теорію ренты.

Политическая экономія всегда страдала недостаточнымъ знакомствомъ съ фактами, и это дискредитировало ее.

Только одинъ изъ современныхъ писателей, Жилфферъ, имѣетъ разумную привычку основывать свои выводы на фактахъ; въ финансовыхъ и торговыхъ вопросахъ ему нѣтъ равнаго, и въ его очеркахъ больше политической экономіи, чѣмъ въ оффиціальныхъ трудахъ нашихъ политико-экономовъ.

Мы увидимъ сейчасъ на фактахъ, — замѣчаетъ Роджерсъ, — насколько выигрываетъ исторія при изученіи ея экономической стороны. Вотъ, на примѣръ, фактъ, который цитируютъ все историки: Плантагенеты, говорятъ они, въ особенности Эдуардъ III и Генрихъ V, находили всегда поддержку у фламандцевъ въ своей борьбѣ съ Франціей. Какъ же достигли они этого? Дѣло объясняется очень просто: желая заручиться поддержкой фламандцевъ, англійскіе короли затрудняли или облегчали вывозъ англійской шерсти.

Съ XIII до XVI в. одна Англія во всей Европѣ занималась выдѣлкой шерсти, и правительство широко пользовалось этимъ въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ другими державами.

Англія была обязана монополіей шерстяного производства не только своему климату и почвѣ, но также и той безопасности, которая царилла внутри королевства. Въ теченіе многихъ вѣковъ все здѣсь, отъ короля до послѣдняго крестьянина, занимались земледѣліемъ. Когда же земледѣльцы перестали обрабатывать землю, они начали разводить овецъ и продавать

шерсть. Благодаря сильному раздробленію, земельная собственность пользовалась глубокимъ уваженіемъ въ Англіи, и всякій могъ спокойно заниматься разведеніемъ овецъ.

На континентѣ, гдѣ съ XIII до XVI в. постоянно свирѣпствовали войны, никто не помышлялъ о скотоводствѣ, такъ какъ никто не могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Въ Англіи же миръ внутри страны былъ гарантіей безопасности для скотовладѣльцевъ. Благодаря этому она пользовалась монополіей шерстяного производства, и пользовалась ею такъ безгранично, что парламентъ могъ вполнѣ безнаказанно взимать вывозныя пошлины въ размѣрѣ цѣны на внутреннемъ рынкѣ. Иначе говоря, эти пошлины уплачивались изъ кармана потребителя. Англійская шерсть сдѣлалась, такимъ образомъ, предметомъ дипломатическихъ сношеній между Англіей и Франціей. Я нахожу, — говоритъ авторъ, — что такое освѣщеніе историческихъ фактовъ гораздо полезнѣе генеалогіи бургундскихъ герцоговъ или ненужнаго перечня военныхъ дѣйствій на французской границѣ. А вотъ еще примѣръ, который наглядно покажетъ намъ, какую большую роль играютъ экономическія явленія въ исторической жизни народовъ.

Въ XII—XIII вв. изъ Индостана въ Европу вело нѣсколько дорогъ, по которымъ перевозились на Западъ различные съѣстные припасы. Главными портами, гдѣ грузились корабли, были Селевкия въ Левантѣ, Трапезондъ на Черномъ морѣ и Александрія. Здѣсь генуэзскіе и венеціанскіе купцы получали товары и переправляли ихъ дальше черезъ Альпы къ Рейну и Верхнему Дунаю. Города, расположенные на этомъ торговомъ пути, какъ, на примѣръ, Регенсбургъ, Нюрнбергъ, Брюгге и Антверпенъ, находились въ цвѣтущемъ состояніи. Но мало-по-малу нашествіе варваровъ, опустошившихъ центральную Азію, отрѣзало сообщеніе между Индостаномъ и Западомъ; осталась только одна дорога — черезъ Египетъ. Когда же Селимъ (1512—20 гг.), завоевавъ Месопотамію и священные арабійскіе города, двинулся на Египетъ и покорилъ его, Александрія перестала быть цвѣтущимъ промышленнымъ центромъ, а Египетъ — большимъ торговымъ путемъ изъ Индостана. Въ результатѣ получилось внезапное повышеніе цѣнъ на восточные товары; итальянскіе города пришли въ упадокъ, а нѣмецкіе вельможи, пріобрѣвшіе право гражданства въ вольныхъ городахъ, окончательно разорились и стали грабить своихъ крестьянъ; жестокія крестьянскія войны были отвѣтомъ на ихъ тяжкія притѣсненія. Итакъ, уничтоженіе торговаго пути между Индостаномъ и Европой послужило началомъ столькихъ событій.

Я не преувеличиваю значенія экономическихъ явленій, — говоритъ Роджерсъ, — но нахожу, что ихъ игнорированіе лишаетъ исторію прочнаго фундамента. Приступая къ изученію исторіи Англіи, мы должны прежде всего ознакомиться съ условіями жизни англійскаго народа. Въ средніе вѣка Англія была по преимуществу страной земледѣльческой; населеніе ютилось главнымъ образомъ въ деревняхъ. Деревенскій приходъ насчитывалъ отъ 30 до 100 жителей и обнималъ иногда болѣе одного феодальнаго замка.

Лордъ или сеньоръ рѣдко навѣщалъ своихъ подданныхъ. Въ его отсутствіе приходскій священникъ былъ главнымъ лицомъ и предсѣдательствовалъ на деревенскихъ собраніяхъ. Жилища крестьянъ группировались главнымъ образомъ вокругъ церкви. Церковь была для нихъ и общиннымъ правленіемъ, и оплотомъ во время бѣды, и складочнымъ пунктомъ для зерна и шерсти, и мѣстомъ праздничныхъ увеселеній.

Большинство крестьянъ владѣло землею или въ качествѣ свободныхъ арендаторовъ (*francs-tenanciers*), платившихъ опредѣленную ренту, или же въ качествѣ *copyholders*, на которыхъ были возложены разъ на всегда установленныя повинности. Пахатныя земли не были огорожены, онѣ разбивались на пахоты, распредѣляясь въ соотвѣтствующихъ пропорціяхъ между сеньоромъ, священникомъ и крестьянами. Когда жатва была снята, поля обращались въ пастбища. Къ нимъ примыкали общинныя земли и владѣнія сеньора.

Нѣкоторые изъ крестьянъ вовсе не имѣли земли, представляя собою контингентъ наемныхъ рабочихъ. Въ свободное отъ полевыхъ работъ время мелкіе фермеры также нанимались за плату. Всѣ они платили своему господину оброкъ деньгами, натурой или отработкой, но послѣдніе два вида оброка были очень скоро замѣнены деньгами.

По окончаніи земледѣльческихъ работъ деревенскіе жители собирались для обсужденія своихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника; кромѣ того, они созывались еще три раза въ годъ для судебной сессіи сеньоріальнаго суда, здѣсь-то они и научились управлять собою: одни излагали свои жалобы и обвиненія, другіе выступали въ качествѣ присяжныхъ.

Чужестранцы не допускались въ общину, и всякій, кто нарушалъ это правило, подвергался штрафу.

Большинство деревень имѣло свои ежегодныя ярмарки, но чаще онѣ устраивались въ городахъ; это были періодическія собранія для дѣловыхъ переговоровъ и увеселеній. Здѣсь закупалось окрестными жителями все, что было имъ необходимо, и сюда вывозился излишекъ произведенныхъ ими продуктовъ. Здѣсь велись религіозныя бесѣды, давались совѣты и принимались рѣшенія.

Сущность всѣхъ договоровъ на владѣніе землею, если можно назвати договоромъ древнюю феодальную зависимость, сводилась къ ненарушимости и неизмѣнности обязательствъ, возложенныхъ на ленника. Принципъ неизмѣнности въ отправленіи повинностей простирался на всѣ отношенія между сеньоромъ и его вассалами.

Въ обыкновенное время жизненныхъ средствъ было достаточно и сильной нужды не существовало. Отбывъ свои повинности, мелкій ленникъ пользовался такою же безопасностью, какъ и знатный сеньоръ. Въ этомъ отношеніи сказалась огромная разница между англійскимъ и французскимъ или нѣмецкимъ крестьяниномъ. Почти все деревенское населеніе занималось земледѣліемъ, работая главнымъ образомъ на себя. Но въ другомъ отно-

шеніи его положеніе оставляло желать много лучшаго: однообразіе деревенской жизни, отзывалось очень вредно на народномъ здоровьи, цынга и проказа свирѣпствовали почти безастановочно. Въ XIV вѣкѣ въ деревняхъ была гораздо бѣльшая смертность, чѣмъ въ городахъ, въ XVII же вѣкѣ это отношеніе измѣнилось (средняя смертность въ Лондонѣ достигла 41,5 на тысячу, тогда какъ въ деревняхъ она равнялась 29 на тысячу). Голодовки вовсе не были рѣдкостью въ Англіи, самыя страшныя относятся къ 1315, 1316 и 1321 гг. Смертность поднялась тогда выше средней нормы. Объ этомъ свидѣлствуютъ не только рассказы лѣтописцевъ, но и повышение заработной платы на 10%. Послѣ каждой изъ вышеупомянутыхъ голодовокъ и чернаго мора 1349 г. плата подымалась выше всего за тѣ виды труда, которые обыкновенно хуже всего оплачивались, какъ, наприм., молотьба овса и задѣльный женскій трудъ (послѣ чернаго мора заработная плата за молотьбу ржи поднялась на 33%, за молотьбу овса—на 88%, а за задѣльный женскій трудъ вдвое и даже втрое).

Пять-шесть вѣковъ тому назадъ жизнь трудящихся классовъ въ Англіи была очень несложна и однообразна. Три четверти населенія занимались земледѣліемъ, обрабатывая свои маленькія фермы; другая часть,—наемные рабочіе,—работала за плату. Во время жатвы всѣ, за исключеніемъ калѣкъ и праздныхъ лѣнтяевъ, находились въ полѣ. Законъ, не допускавшій въ общину чужестранцевъ, дѣлалъ исключеніе для жнецовъ. Даже ремесленники занимались извѣстное время года полевыми работами. Жизнь текла однообразно и тихо, какъ вдругъ страшная чума разразилась надъ Европой и унесла массу жертвъ. Въ Англіи, гдѣ она свирѣпствовала особенно сильно, вымерла треть населенія. Благодаря этому, заработная плата повысилась вдвое, а крупныя собственники разорились: прибыль на капиталъ, вложенный въ земледѣліе, упала съ 20% до нуля. Отстаивая свои интересы, землевладѣльцы призвали на помощь парламентъ и администрацію и старались понизить заработную плату до прежняго уровня.

Народъ, возмущенный поведеніемъ земельной аристократіи и подготовленный Виклифомъ, который проповѣдывалъ, что всякая власть должна быть основана на заслугахъ, поставилъ трудъ выше происхожденія. Народное негодованіе вылилось въ возстаніи 1381 г., которое охватило всю Англію отъ Ламанша до Юркшира. Оно было подавлено жестокими мѣрами, его вожди казнены, духовенство восстановлено въ своихъ правахъ. Свѣтская власть, когда-то преслѣдовавшая духовную, предоставила теперь къ ея услугамъ огонь и мечъ.

Въ теченіе трехъ вѣковъ народъ испытывалъ на себѣ результаты этой кровавой побѣды.

Война капитала съ трудомъ—самая продолжительная изъ всѣхъ войнъ. Ни одна не поддается такъ трудно изученію, какъ эта, такъ какъ ея исторію нужно искать въ собраніи статутовъ, давно отмѣненныхъ и забытыхъ, которые не вошли въ новыя изданія и встрѣчаются только въ большихъ томахъ *in-folio*, опубликованныхъ парламентомъ.

Но вернемся къ тому моменту, когда сказались грустныя послѣдствія чумы, когда треть населенія вымерла, заработная плата повысилась, а крупные собственники начали борьбу съ рабочими. Оказывая давленіе на парламентъ и правительство, они требовали пониженія заработной платы законодательнымъ путемъ. Въ ихъ способѣ дѣйствій не было ничего новаго и оригинальнаго: въ Англии издавна существовала регламентація цѣнъ на различные продукты потребленія, и это вмѣшательство власти не вызывало никакого протеста со стороны общества. Земельнымъ собственникамъ легко удалось добиться проведенія закона о земледѣльцахъ. Эдүардъ III началъ съ того, что обратился съ воззваніемъ къ примасу Вильгельму, присоединивъ къ нему предписаніе рабочимъ работать за прежнюю плату. Затѣмъ былъ созванъ парламентъ и изданъ первый законъ о земледѣльцахъ (1349 г.).

Упомянувъ во вступленіи объ ужасныхъ послѣдствіяхъ чумы и грустномъ положеніи хозяевъ, которые лишены рабочихъ рукъ благодаря ихъ крайней дороговизнѣ, онъ постановляетъ, что всякое лицо, не занимающееся торговлей или ремесломъ, обязано соглашаться на работу по первому требованію кого бы то ни было и за ту же заработную плату, какая давалась на двадцатомъ году царствованія *). Лорды и сеньоры, имѣющіе крѣпостныхъ и виллановъ, пользуются правомъ первенства на ихъ услуги. Это свидѣтельствуется о томъ, что крестьяне, отбывъ возложенныя на нихъ повинности, могли свободно располагать своими трудами. Непокорнаго предписано сажать въ тюрьму послѣ донесенія, сдѣланнаго двумя лицами шерифу. Работникъ, оставившій работу въ полѣ, подвергался тюремному наказанію, а также и хозяинъ, который принималъ его обратно послѣ освобожденія. Если послѣдній давалъ рабочимъ болѣе высокую заработную плату, чѣмъ установленная, дѣло представлялось на судъ сеньора и съ виновнаго взыскивался штрафъ въ двойномъ размѣрѣ платимаго жалованья. Если же тутъ былъ замѣшанъ самъ сеньоръ, дѣло подлежало юрисдикціи общаго собранія графства, и виновникъ платилъ штрафъ втрое больше предложеннаго вознагражденія. Ремесленники обязаны были довольствоваться заработной платой 1346 г.

Въ одной изъ статей закона говорилось, что продукты потребленія должны продаваться по умѣреннымъ цѣнамъ; это предписаніе было также обставлено различными мѣрами наказанія. Подъ страхомъ тюремнаго заключенія запрещалось подавать милостыню здоровымъ нищимъ. Приходскому духовенству былъ порученъ тщательный надзоръ за точнымъ примѣненіемъ закона. Но законъ 1439 г. остался безъ послѣдствій, благодаря длинной процедурѣ, которою сопровождалось его осуществленіе: требовались принесеніе жалобы, составленной законнымъ порядкомъ, и приговоръ суда присяжныхъ, но его предпочитали обходить. Въ 1350—51 гг. парламентъ жаловался, что рабочіе заражены непокорнымъ духомъ, что они не уважаютъ закона и отказываются работать за установленную плату.

*) Т.-е. въ 1347 г.

Тогда были изданы новые регламенты. Въ нихъ говорилось, что заработная плата всѣхъ рабочихъ, какъ земледѣльческихъ, такъ и ремесленныхъ, останется на томъ же уровнѣ до тѣхъ поръ, пока кварталъ пшеницы будетъ стоить менѣе 6 шил. 8 денье. Тотъ, кто нарушитъ этотъ законъ, подлежитъ уже не суду сеньора, а юрисдикціи мировыхъ судей, которые будутъ собираться для этой цѣли четыре раза въ годъ. Первое нарушение закона влечетъ за собой сорокъ дней тюремнаго заключенія, второе—три мѣсяца, третье—полгода. Штрафы, установленные первымъ закономъ, остаются въ силѣ, но будутъ съ этихъ поръ поступать въ казну. Бѣглецы подвергаются аресту. Современные писатели утверждаютъ, что побѣги совершались довольно часто; рабочіе организовали цѣлую систему развѣдокъ и направлялись въ тѣ мѣстности, гдѣ спросъ на рабочія руки былъ особенно силенъ. Они основывали товарищества взаимопомощи, которыя сильно напоминаютъ позднѣйшіе Тредсъ-Уніоны. Но и новый законъ остался такъ же мертвою буквой, какъ и первый. Причину его неудачи,—говоритъ Роджерсъ,—слѣдуетъ приписать тому, что взыскиваемые штрафы поступали въ пользу короны. Недостатокъ рабочихъ рукъ продолжалъ пагубно отзываться на хозяйствѣ, заключеніе въ тюрьму ничуть не измѣняло положенія дѣлъ и пострадавшая сторона, — хозяинъ, — конечно, не давала себѣ труда взыскивать штрафы въ пользу короля. Собственники вскорѣ отказались управлять своими имѣніями и ввели новую систему аренды (Stock and land lease), на основаніи которой сдавалась въ наймы не только земля, но также орудія и скоть.

Черезъ шесть лѣтъ штрафы стали взыскиваться въ пользу землевладельцевъ, а затѣмъ, года три спустя, былъ изданъ еще одинъ законъ, который преобразовалъ институтъ мировыхъ судей *). Сеньориальная юрисдикція была уничтожена; штрафы отмѣнены; заключеніе же въ тюрьму сохранилось въ прежней силѣ. Вышеупомянутый законъ простирался также и на ремесленниковъ. Бѣглыхъ земледѣльцевъ онъ лишалъ своей защиты и предписывалъ накладывать на нихъ клеймо. Хозяева и судья обязаны были возвращать ихъ подъ страхомъ денежнаго взысканія. Прежде они отличались отъ крѣпостныхъ, такъ какъ только послѣдніе могли быть возвращены обратно, теперь же эта разница стусhevывалась.

Въ царствованіе Ричарда II законъ о земледѣльцахъ былъ опять возобновленъ. «Вилланы,—говоритъ онъ во вступленіи,—отказываются отъ своихъ обязательствъ по отношенію къ сеньорамъ, благодаря наущеніямъ различныхъ совѣтчиковъ и защитниковъ, которые подстрекаютъ ихъ ложными увѣреніями, извлеченными изъ «Domesday-Book»; они утверждаютъ, что давно освободились отъ своихъ обязательствъ и не боятся ареста. Они образуютъ шайки и думаютъ противопоставить сеньорамъ силу своихъ союзовъ». Но судьи разоблачаютъ ихъ намѣренія, посаждаютъ въ тюрьму винов-

*) Сперва выборные, а затѣмъ назначаемые короной, мировые судьи выбирались всегда изъ мѣстной аристократіи.

ныхъ и подвергнуть штрафу ихъ совѣтчиковъ. Здѣсь очевидно сдѣланъ намекъ на «нищихъ поповъ», учрежденныхъ Виклифомъ, которые служили ему посредниками въ его сношеніяхъ съ недовольными крестьянами.

Это вступленіе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на возстаніе 1381 г. Оно указываетъ на то, что сеньоры пытались взвалить на плечи своихъ крестьянъ новыя обязательства, требуя у нихъ отработки за старыя повинности, которыя давно уже были уплачены. Хотя въ Кентскомъ графствѣ не существовало виллановъ, но героемъ этого возстанія былъ уроженецъ Кента, Уатъ Тайлеръ (Wat Tyler); онъ присоединился къ возставшимъ, питая, быть можетъ, болѣе честолюбивые замыслы, чѣмъ удовлетвореніе скромныхъ требованій своихъ собратьевъ. Возстаніе 1381 г. имѣло цѣлью полное освобожденіе виллановъ отъ всякихъ повинностей. Политическій и социальный строй старой Англии пошатнулся тогда до основанія, и юный король могъ вполне справедливо сказать своей матери послѣ смитфильдской битвы, что въ этотъ день она потеряла и вновь обрѣла свою корону.

Хотя лѣтописцы вкладываютъ въ уста короля довольно грозныя рѣчи по адресу крѣпостныхъ послѣ усмиренія возстанія, но, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ уважить ихъ требованія и сдѣлать имъ кое-какія уступки. Но когда король обратился къ содѣйствію парламента, желая придать законную силу составленнымъ имъ хартіямъ освобожденія, а парламентъ съ негодованіемъ отказалъ ему въ этомъ, тогда выступили на сцену судьи, которые, по настоянію короля, такъ обставили крѣпостную зависимость крестьянъ, что оградили ихъ отъ всякаго произвола. Съ тѣхъ поръ стала все больше и больше ступшеываться демаркаціонная линія между вилланствомъ и крѣпостничествомъ.

Событія 1381 г., положивъ начало освобожденію крѣпостныхъ, усилили вмѣстѣ съ тѣмъ сопротивленіе всѣхъ земледѣльческихъ рабочихъ законамъ, которые имъ продолжали навязывать свыше. Свободные земледѣльцы пришли на помощь къ своимъ закрѣпощеннымъ собратьямъ, а затѣмъ, въ свою очередь, нашли поддержку въ ихъ лицѣ.

Король и парламентъ, вынужденные сдѣлать кое-какія уступки крестьянамъ и ограничить власть сеньора надъ крѣпостными, вовсе не думали сдаваться на требованія остальной трудящейся массы. Они возстановили въ прежней силѣ первоначальный законъ о земледѣльцахъ, присоединивъ къ нему новыя статьи. При Генрихѣ IV, Генрихѣ V и во время долгаго несовершеннолѣтія Генриха VI продолжались издаваться законы въ томъ же направленіи, но они такъ же мало имѣли успѣха, какъ и предыдущіе. И самъ король, и его подданные находили возможнымъ ихъ обходить. При Генрихѣ VI была внесена новая статья, которая давала мировымъ судьямъ право нормировать высоту заработной платы; правда, она имѣла только временную силу. Годъ спустя были запрещены, подъ страхомъ наказанія, различныя союзы и собранія каменщиковъ.

Въ 1437 г. правительство наложило руку и на гильдіи, такъ какъ, по его мнѣнію, онѣ злоупотребляли данными имъ хартіями, «толкую ихъ въ свою

пользу и во вредъ другимъ». Новый законъ предписывалъ, чтобы всѣ ихъ патенты и хартіи вносились въ книгу мировыми судьями и градоначальниками. Если ихъ дѣйствія не будутъ сообразоваться съ хартіями, они подвергнутся денежному взысканію. Очевидно, гильдіи были довольно сильно распространены, разъ ихъ подчиняли спеціальному надзору и законодательству.

Но черезъ восемь лѣтъ положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось; правительство начинало сдаваться. Изданный въ то время регламентъ почти соотвѣтствовалъ установившемуся тогда уровню заработной платы; рабочіе одержали побѣду.

Въ царствованіе Эдуарда IV и Ричарда III вовсе не упоминается о рабочемъ законодательствѣ. При Генрихѣ же VII былъ изданъ гуманный законъ о заработной платѣ, если принять во вниманіе тогдашнюю дешевизну продуктовъ. Заработная плата въ Англіи не достигала никогда такого высокаго уровня; но за то рабочій день былъ удлиненъ до 12 часовъ, тогда какъ его продолжительность пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ равнялась 8 часамъ. При Генрихѣ VIII законодательство мало занималось рабочими. Оно освободило отъ наказанія хозяевъ, платившихъ рабочимъ болѣе высокую плату, чѣмъ та, какая была положена, дозволило Лондону не подчиняться закону о земледѣльцахъ и запретило ремесленнымъ цехамъ задерживать у себя учениковъ по окончаніи срока ихъ ученья. За весь этотъ періодъ англійскіе рабочіе довольствовались умѣреннымъ вознагражденіемъ за свой трудъ и благоденствовали подъ эгидой своихъ гильдій и ассоціацій. Крестьяне начали покупать землю, образуя классъ мелкихъ *francs-tenanciers*, которые наводнили Англію въ первой половинѣ XVII в., а ремесленники совершенствовались въ своихъ ремеслахъ и процвѣтали; но часъ ихъ разоренія приближался.

Никогда Англія не имѣла болѣе расточительнаго короля, чѣмъ Генрихъ VIII. Его войны, союзы, субсидіи иностраннымъ государямъ стоили огромныхъ денегъ, не принося ему взамѣнъ ничего. Даже въ мирное время онъ умудрялся дѣлать большія затраты изъ государственной казны: у него было двадцать или тридцать дворцовъ, которые онъ вѣчно перестраивалъ, употребляя для этого сотни рабочихъ и не давая имъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Онъ любилъ блескъ и роскошь и готовъ былъ разорить своихъ подданныхъ для удовлетворенія своихъ минутныхъ капризовъ. Но, несмотря на это, Генрихъ VIII былъ популяренъ. Обобравъ монастыри, онъ пустилъ по вѣтру ихъ несмѣтныя богатства: они растаяли, какъ снѣгъ, въ его рукахъ. Не рѣшаясь дальше грабить своихъ подданныхъ, онъ дошелъ до того, что сталъ чеканить фальшивую монету. Подъ конецъ царствованія больной и озлобленный, потерявъ всякій стыдъ и совѣсть, этотъ развращенный король собирался даже конфисковать земли ремесленныхъ цеховъ; онъ не пощадилъ бы, вѣроятно, и университетовъ. Въ царствованіе его сына Сомерсетъ довершилъ дѣло своего предшественника и конфисковалъ имущество цеховъ.

Когда Елизавета вступила на престоль, государство и народъ были

окончательно разорены. Фальшивая монета довела рабочихъ до нищенства, и обѣднѣвшія гильдіи не могли прійти къ нимъ на помощь. Цѣна жизненныхъ припасовъ повысилась на 150%, а заработная плата осталась на прежнемъ уровнѣ. Первое, чѣмъ занялась Елизавета, было возстановленіе монетной пробы. Затѣмъ она принялась за рабочее законодательство. Отмѣнивъ регламенты двухъ послѣднихъ столѣтій и нѣсколько смягчивъ слишкомъ тяжелыя мѣры, она собрала остальное въ одно стройное цѣлое и издала новый законъ о земледѣльцахъ, которому предстояло теперь регулировать отношенія хозяевъ и рабочихъ. Въ сущности, Елизавета не имѣла намѣренія угнетать рабочую массу, — нѣкоторыя статьи закона гарантируютъ ей даже защиту, — но дѣло въ томъ, что этотъ законъ засталъ рабочихъ въ самомъ жалкомъ видѣ и отдалъ ихъ на произволъ мировыхъ судей, т.-е. тѣхъ же хозяевъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда они не въ состояніи были защищаться. Имѣя передъ глазами примѣръ прошлаго, правительство рѣшилось прибѣгнуть къ отчаянному средству — воздѣйствію голодомъ; его старанія увѣнчались успѣхомъ.

Законъ, изданный Елизаветой, преслѣдовалъ тройную цѣль: онъ стремился, во-первыхъ, сломить коалицію рабочихъ; во-вторыхъ, подвергнуть ихъ постоянному надзору и, въ-третьихъ, увеличить число земледѣльческихъ рабочихъ, ограничивъ право обученія ремеслу.

На основаніи этого закона продолжительность рабочаго дня равнялась 12 часамъ. Рабочіе, прекратившіе работу раньше положеннаго срока, обязаны были платить штрафъ по одному пенни за часъ. Стачка наказывалась мѣсяцемъ тюремнаго заключенія и штрафомъ въ 5 ф., что нанесло рѣшительный ударъ древнимъ рабочимъ ассоціаціямъ.

На мировыхъ судей была возложена обязанность устанавливать норму заработной платы въ различныхъ областяхъ труда. Ихъ регламенты поступали на утвержденіе совѣта, а затѣмъ обнародывались шерифомъ, который долженъ былъ подчеркивать главнымъ образомъ статьи о наказаніяхъ. Тотъ, кто давалъ болѣе высокую плату своимъ рабочимъ по сравненію съ установленной, подвергался штрафу въ 5 ф. и десятидневному тюремному заключенію; тотъ, кто принималъ ее — двадцатидневному заключенію, и договоръ между ними считался нарушеннымъ. Рабочіе, угрожавшіе своимъ хозяевамъ, заключались въ тюрьму на годъ и болѣе. Ремесленниковъ можно было заставить силой работать въ полѣ. Въ городахъ имъ разрѣшалось держать учениковъ, но въ ограниченномъ числѣ, не болѣе одного, двухъ, да и то если это были дѣти ремесленниковъ или же людей, не имѣвшихъ земельной собственности. Срокъ ученья длился семь лѣтъ.

Черезъ тридцать три года вышеупомянутый законъ былъ нѣсколько видоизмѣненъ: судьи получили право издавать спеціальныя регламенты для каждаго отдѣльнаго округа графства; но эти регламенты поступали уже не на утвержденіе совѣта, а верховнаго судьи графства (*Custos Reotulorum*).

Законъ, изданный Елизаветой, долженъ былъ имѣть только временную силу, но ея преемники постоянно возобновляли его. Отъ Эдуарда III до

Якова I было вотировано парламентомъ 37 законовъ, регламентирующихъ условія труда. Правительство достигло, наконецъ, своей цѣли: оно довело заработную плату до того жалкаго минимума, который обезпечивалъ рабочему классу самое нищенское существованіе.

Правда, авторы закона предписывали судьямъ сообразоваться съ цѣнами на жизненные припасы, но тѣ этого не дѣлали и предоставляли рабочимъ умирать съ голоду, усердно понижая уровень заработной платы.

Въ своей книгѣ *Шесть вѣковъ труда и заработной платы* я показываю, — говоритъ Роджерсъ, — что въ силу закона 1495 г. рабочему для покупки даннаго количества продуктовъ, при современномъ состояніи цѣнъ, приходилось затратить не болѣе двухъ, трехъ недѣль труда (ремесленнику — двѣ недѣли, земледѣльческому рабочему — три); регламенты мировыхъ судей во времена Елизаветы вынуждали ихъ работать непрерывно въ теченіе цѣлаго года, а то и двухъ лѣтъ, для пріобрѣтенія того же количества продуктовъ.

Хотя послѣдній законъ былъ направленъ также и противъ ремесленниковъ, но всею своей тяжестью онъ обрушился на крестьянина и имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду обезцѣненіе земледѣльческаго труда. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ дѣйствительности заработная плата была всегда выше тарифа, назначаемого мировыми судьями. За періодъ отъ 1593 по 1684 г. средняя оффиціальная плата въ недѣлю равнялась 5 шил. 6 денье, тогда какъ дѣйствительная достигала 6 шил. 1 денье. Патроны оказались гуманнѣе представителей магистратуры.

Заслуживаетъ не меньшаго вниманія и то, что во времена республики регламенты мировыхъ судей не были такъ суровы: въ 1651 г. дѣйствительная заработная плата стояла выше оффиціальной всего на $4\frac{1}{4}$ денье, а въ 1655 г. — на $2\frac{1}{4}$ денье; послѣ же реставраціи между ними тотчасъ же обнаружилась разница на 3 шил. въ недѣлю.

Только въ 1825 г. старое рабочее законодательство было отмѣнено въ Англіи, но, къ сожалѣнію, парламентскіе отчеты не передаютъ намъ всѣхъ перипетій борьбы, предшествовавшей его отмѣнѣ. Это законодательство привело рабочихъ къ полному разоренію и даже послѣ его отмѣны они долго еще находились во власти обычнаго права и тѣхъ хитроумныхъ толкованій, которыя дѣлали изъ него ловкое орудіе тиранніи.

Положеніе трудящихся классовъ въ Англіи выступить передъ нами еще ярче, если мы познакоимся съ состояніемъ англійской агрикультуры за описываемый нами періодъ. Ея исторія, — говоритъ Роджерсъ, — даетъ намъ ключъ къ рѣшенію самыхъ важныхъ социальныхъ проблемъ историческаго прошлаго, быть-можетъ, настоящаго, а также и недалекаго будущаго.

Развитіе агрикультуры свидѣтельствуетъ о томъ, что нація вышла изъ періода варварства. Трудъ земледѣльца питаетъ не только его одного, но и тѣхъ, кто даетъ ему защиту отъ внѣшнихъ враговъ, и того, кто снабжаетъ его другими необходимыми предметами, которыхъ онъ самъ не производитъ. Агрикультура служитъ первоначальной основой государственной

жизни, и всякій законъ или обычай, препятствующій ея развитію, является общественнымъ бичомъ. А между тѣмъ такія препятствія существовали и существуютъ до сихъ поръ; на обязанности законодателя лежитъ ихъ уничтожить или же, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ вліяніе.

Развитіе агрикультуры опредѣляетъ высоту ренты; рента есть плата за пользованіе землей. Герцогъ д'Аржилъ, горячій приверженецъ земледѣльческихъ классовъ, сравнивалъ наемъ земли съ наймомъ музыкальнаго инструмента. Это сравненіе чрезвычайно мѣтко, — замѣчаетъ авторъ, — и быть можетъ самъ герцогъ не понималъ всей силы его значенія. Предположимъ, что наемъ куска земли равносильнъ найму скрипки Страдивариуса: въ рукахъ многихъ изъ насъ она не принесла бы ни одного су дохода; но дайте ее Іоахиму, — онъ извлечетъ изъ нея золотыя горы. Такъ и земля нуждается въ умѣннѣ, ловкости и опытѣ того, кто ее обрабатываетъ. Такимъ образомъ, рента является продуктомъ двухъ факторовъ. Экономисты обыкновенно упоминаютъ только объ одномъ, — объ естественныхъ неразрушимыхъ качествахъ земли, оставляя въ сторонѣ ловкость и предприимчивость земледѣльца. Вопреки мнѣнію Адама Смита, не рента обуславливаетъ величину цѣнъ на земледѣльческіе продукты, а, наоборотъ, она сама находится въ зависимости отъ нихъ. Рента имѣетъ мѣсто тогда, когда рентная цѣна земледѣльческихъ продуктовъ становится выше цѣны производства, покрывая уплату авансовъ и принося среднюю прибыль. Поэтому идеаломъ для экономиста должно было бы служить самое легкое добываніе земледѣльческихъ продуктовъ, т.-е. такая ихъ дешевизна, при которой невозможно существованіе ренты.

Но вернемся къ исторіи англійской агрикультуры. На ходъ ея развитія имѣло вліяніе не мало событій, изъ которыхъ главными являются: перемѣна въ способѣ обработки земли во второй половинѣ XIV в., чрезвычайное плодородіе почвы въ слѣдующемъ вѣкѣ, отчужденіе земельной собственности, послѣдовавшее за уничтоженіемъ монастырей и развитіемъ овцеводства въ XVI в., обремененіе фермерства въ XVII в., введеніе новой земледѣльческой культуры въ XVIII в. и знаменитый кризисъ въ XIX в.

Лучше всего можно судить о состояніи англійской агрикультуры по даннымъ о количествѣ посѣва и урожая въ различныя эпохи ея исторіи.

Свѣдѣнія, собранныя членами Мертонскаго коллежа въ XIV в., за періодъ отъ 1333 по 1336 г., на десяти его фермахъ, говорятъ намъ, что средняя жатва въ урожайные годы — годы низкихъ цѣнъ — равнялась 9 бушелямъ пшеницы и 15 б. ячменя — на 2 и 4 бушеля посѣва. Это количество превышаетъ общую среднюю цифру урожая. По словамъ Гензеля, самаго древняго англійскаго агронома, сборы должны были равняться по меньшей мѣрѣ 6 бушелямъ, иначе фермеры потерпѣли бы убытокъ. Вышеупомянутые годы предшествовали черному морю.

Другія данныя относятся къ половинѣ XV в.; изслѣдованіе производилось въ Кентскомъ графствѣ, между Дувромъ и Кентербюри. Собрано жатвъ:

12 бушелей пшеницы, 16 буш. ячменя и 12 буш. овса. Урожай обильный и цѣны ниже среднихъ.

Въ половинѣ XVII в. (1655 г.), по словамъ Гартлиба, количество собраннаго хлѣба колебалось между 12 и 16 бушелями съ акра земли; но, по изслѣдованіямъ Кинга, производившимся около 1693 г., количество сбора не превышало 12 буш. Вычисленія Кинга болѣе точны,—замѣчаетъ Роджерсъ,—такъ какъ Гартлибъ слишкомъ увлекался примѣненіемъ къ статистикѣ новыхъ методовъ.

Въ началѣ XVIII в. общій сборъ былъ равенъ 20 бушелямъ хлѣбнаго зерна, а можетъ быть, даже превышалъ эту цифру. На основаніи этихъ данныхъ можно заключить,—говоритъ авторъ,—что среднее производство хлѣба въ Англіи и Валлисѣ со временъ Эдуарда III до конца XVI в. не превышало 2½ милліоновъ квартеровъ *) при населеніи, равномъ той же цифрѣ. Нужно замѣтить, что пшеничный хлѣбъ былъ тогда универсальною пищею и картофель не былъ еще ввезенъ въ Англію.

Англійскій народъ жилъ почти исключительно продуктами своей земли, изрѣдка допускался ввозъ хлѣба изъ-за Балтійскаго моря. Въ голодные годы вывозъ былъ строго воспрещенъ, а этихъ голодныхъ годовъ насчитывается не мало въ Англіи. Самый страшный голодъ, продолжавшійся два года, относится къ 1315—1316 гг. Цѣны на хлѣбъ повысились до крайнихъ предѣловъ; въ маѣ 1316 г. онѣ достигли своего апогея, превышая въ четыре—пять разъ нормальную цѣну, и продержались на этомъ уровнѣ до августа. Въ новѣйшее время цѣна на хлѣбъ никогда не подымалась до такихъ чудовищныхъ размѣровъ; самыя высокія цѣны во время самаго сильнаго голода въ XIX в. (1800 г.) превышали только вдвое обычную цѣну. Въ XIV в. встрѣчаются еще голодные годы (1321, 1351 и 1369 г.), но они не были такъ ужасны, какъ два предыдущихъ. Въ XV в. мы знаемъ только одинъ сильный голодъ, который относится къ 1438 г. Въ XVI в. самыми тяжелыми голодными годами были 1595 и 1596 гг.,—они почти не уступали 1315—1316 гг. Всѣ эти голодовки были вызваны обиліемъ дождей и недостаткомъ солнечнаго тепла.

XVII в. труднѣе поддается изученію въ этомъ отношеніи: политическія дѣла слишкомъ поглощали вниманіе общества, и современники мало занимались нуждами рабочихъ классовъ. А между тѣмъ ни одна эпоха англійской исторіи не была такъ богата голодными годами, какъ XVII в. Періодъ отъ 1446 по 1651 г. былъ періодомъ сплошнаго голода; такой же періодъ тянется съ 1650 до 1661 г.; затѣмъ слѣдуютъ семь голодныхъ годовъ (1692—98 г.), которыми заканчивается этотъ вѣкъ.

За это время народонаселеніе успѣло удвоиться, благодаря иммиграціи изъ сосѣднихъ странъ послѣ политическихъ и религіозныхъ погромовъ, процвѣтанію шерстяного производства въ Англіи и колонизаціи сѣверной части королевства.

*) Квартеръ=8 бушелямъ.

Площадь обрабатываемыхъ земель увеличилась, но способы обработки носили еще все тотъ же первобытный характеръ. Фермеры были подавлены чрезмѣрною арендною платой, которая истощала ихъ средства и препятствовала введенію новыхъ способовъ культуры. Земледѣльческіе рабочіе находились въ еще худшемъ положеніи: землевладѣльцы прекрасно знали, что дешевизна рабочихъ рукъ дастъ имъ возможность повысить величину арендной платы и, въ силу этого, мировые судьи усердно понижали заработную плату. Хорошо еще, что со времени реставраціи Стюартовъ до революціи 1688 г. цѣны на хлѣбъ были довольно низкія. Въ началѣ XVIII вѣка, если не принимать въ расчетъ двухъ лѣтъ, цѣна жизненныхъ припасовъ еще болѣе понизилась, благодаря патриотическому рвенію крупныхъ собственниковъ, которые ввели новую систему хозяйства. Они начали огораживать свои поля и стали практиковать интенсивную культуру. Вывозныя преміи играли тутъ также, вѣроятно, не малую роль. Но послѣ продолжительной сѣверо-американской войны и войнъ на континентѣ Англія вступила на путь безразсудной финансовой политики; запутавшись въ долгахъ, она стала вводить косвенные налоги, которые всею своей тяжестью падали на бѣдные классы. Крупные землевладѣльцы перестали заниматься своими имѣніями, а фермеры и мелкіе собственники не могли вести рациональнаго хозяйства.

Не мѣшаетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о различныхъ видахъ аренды, существовавшихъ въ Англии, и объ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ своимъ фермерамъ. До половины XIV в. крупные собственники занимались большею частью сами эксплуатаціей своихъ земель, но послѣ чернаго мора, когда рабочіе руки стали слишкомъ дороги, они ввели *stock and land lease*, практиковавшуюся уже нѣкоторыми монашескими орденами. Она состояла въ томъ, что собственникъ сдавалъ въ аренду фермеру не только землю, скотъ и орудія, но даже и сѣмена для посѣва; по окончаніи срока аренды фермеръ долженъ былъ вернуть ему все въ цѣлости. Эта система продержалась около семидесяти лѣтъ; больше всего ее практиковали монастыри, да, вѣроятно, и другіе собственники не такъ скоро разстались бы съ нею, еслибъ сами фермеры не устранили ее. Разбогатѣвъ въ XV в., который былъ для нихъ золотымъ вѣкомъ, въ смыслѣ обилія жатвы, они получили возможность обзавестись не только собственнымъ инвентаремъ, но даже и землею.

До XVII в. землевладѣльцы могли повышать арендную плату только окольными путями, вымогая прибавку при заключеніи контрактовъ, налагая штрафы и т. д.; теперь же они стали продѣлывать это на законномъ основаніи.

До половины XVI в. рента съ акра пахатной земли колебалась между 6 и 8 пенсами; это была плата за арендованную землю. Аренда носила постоянный характеръ и величина ренты не измѣнялась; таково было общее правило какъ для свободныхъ арендаторовъ, такъ и для крѣпостныхъ. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка землевладѣльцамъ удалось уве-

личить ее косвенными путями; въ XVII же вѣкѣ она достигла небывалыхъ до того размѣровъ, колеблясь между 3 шил. 6 п. и 6 шил. Какъ ни скромна эта цифра въ нашихъ глазахъ, но для того времени она была очень высока: арендная плата XVII в. носитъ названіе голодной ренты, такъ какъ она высасывала всѣ соки изъ арендатора, оставляя ему только самое необходимое, чтобы не умереть съ голоду. Нечего было и думать объ улучшеніи способовъ земледѣльческой культуры: жадность землевладѣльцевъ препятствовала всякому прогрессу въ этомъ отношеніи. Многіе изъ фермеровъ обратились къ домашнему производству, чтобы хоть чѣмъ-нибудь пополнить свой скудный заработокъ. Такъ возникло домашнее производство шерстяныхъ тканей, преимущественно фланели, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Йоркшира и Ланкашира. Но развивающаяся крупная промышленность постепенно уничтожила эти центры домашняго производства, и положеніе земледѣльческаго класса въ Англіи еще болѣе ухудшилось.

Всѣ цивилизованныя страны Европы принуждены были вмѣшаться въ отношенія собственника и фермера, помѣщика и крестьянина, и оградить послѣдняго отъ грубыхъ насилій перваго. Во Франціи это было дѣломъ великой революціи 1789 г., въ Германіи—Гарденберга и Штейна, въ Россіи—Александра II. Не всюду одинаково удовлетворительно былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, но медлить стало невозможно,—приходилось рѣшить его во что бы то ни стало.

Въ началѣ XVIII в. рента съ акра пахатной земли возросла до 7 шил. На этотъ разъ ея высота была вполне законна: она оправдывалась прогрессомъ земледѣльческой культуры, за которую взялись сами собственники. Ихъ рвеніе къ земледѣлію объясняется, конечно, не тѣмъ, что они хотѣли научить своихъ фермеровъ, какъ вести хозяйство,—нѣтъ, они не руководились столь гуманными соображеніями, а преслѣдовали исключительно свою выгоду. Ростъ и вліяніе денежной аристократіи не давалъ имъ спать: конкурируя съ нею на пути наживы, они обратились къ земледѣлію и ввели новые способы культуры, предвкушая ихъ результаты. Но, какъ бы тамъ ни было, они сыграли свою полезную роль, и никто не имѣлъ столько правъ на богатство, какъ землевладѣльцы XVIII вѣка.

Новая система хозяйства привилась не безъ затрудненій. Ее невозможно было практиковать въ *открытыхъ поляхъ*, а огораживаніе послѣднихъ требовало много времени и денегъ. Но не нужно его смѣшивать съ апроприаціей общинныхъ земель, которая представляла собою настоящую организованную кражу.

Въ половинѣ XIX в. арендная плата поднялась до 36 шил. 8 пен. Агрикультура продолжала развиваться, но, благодаря возмутительному положенію заработной платы, между цѣною производства и рыночной цѣной земледѣльческихъ продуктовъ образовалась большая разница.

Сравнительно съ XVII в. цѣна хлѣба возросла въ восемь разъ, рента съ пахатной земли—въ восемьдесятъ, а съ пастбищъ—въ десять разъ. Еслибы рента представляла собою только плату за пользованіе одними

естественными «неразрушимыми качествами» земли, какъ утверждаютъ нѣкоторые экономисты, то ея ростъ обнаружился бы прежде всего въ цѣнѣ на пастбищныя земли; главной причиной ея повышенія было не это, а распространеніе агрономическихъ знаній и конкуренція фермеровъ.

Въ длинномъ рядѣ англійской исторіи землевладѣльцы пытались не разъ искусственно поддержать высоту ренты, сперва обрекая на голодъ рабочаго, а затѣмъ предоставляя обществу заботиться о средствахъ его существованія. Когда же поймутъ, наконецъ, что дешевизна труда и низкая заработная плата не одно и то же? Не увлекаясь предсказаніями будущаго, можно сказать одно съ увѣренностью, что землевладѣльцы XVIII в. сдѣлали изъ англійскаго фермера перваго земледѣльца въ мірѣ, тогда какъ землевладѣльцы нашего довели его до нищенства.

Такъ какъ религіозныя движенія играли довольно серьезную роль въ соціальной исторіи Англии, намъ нельзя обойти ихъ молчаніемъ. Послѣ паденія Западной Римской имперіи одна церковь уцѣлѣла среди всеобщаго хаоса. Ей мы обязаны спасеніемъ цивилизаціи, монашескіе ордена, главнымъ образомъ бенедиктинцы, заботились о сохраненіи науки древности, покровительствовали развитію агрикультуры и ограждали меньшую братію отъ произвола сильныхъ міра сего.

Въ теченіе шести вѣковъ продолжалась ихъ полезная дѣятельность, и намъ остается принести имъ свою благодарность за то, что они поддерживали въ обществѣ уваженіе къ закону и труду и способствовали распространенію знаній.

82577
Вильгельмъ завоеватель пытался сохранить независимость англійской церкви отъ Рима; онъ не желалъ никакого посторонняго вмѣшательства въ дѣла своей страны—даже въ томъ случаѣ, если предписанія исходили изъ святѣйшихъ рукъ Григорія VII. Болѣе осторожный, чѣмъ Генрихъ IV германскій, онъ велъ себя такъ, что ему не пришлось ни разу сдѣлать хоть одинъ шагъ по пути въ Каноссу.

Со временъ Генриха II до реформаціи въ нѣдрахъ англійской церкви образовалось три партіи или три школы, какъ ихъ называли тогда. Первая изъ нихъ—оффиціальная партія—гнула колѣни передъ королевской властью, и англійскіе короли всегда находили въ ней опору; вторая,—національная или англиканская,—особенно развившаяся въ XVI в., готова была низвергнуть иго Рима, требуя уваженія только къ догмату; и, наконецъ, третья—ультрамонтанская,—приверженица папы, была сосредоточена главнымъ образомъ въ монастыряхъ. Вотъ въ какомъ положеніи находилась англійская церковь въ половинѣ XIV в., наканунѣ реформаціи, во главѣ которой сталъ Виклифъ. Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что Оксфордъ былъ центромъ всѣхъ религіозныхъ движеній,—съ перваго до послѣдняго. Это объясняется тѣмъ, что Оксфордскій университетъ пользовался исключительными привилегіями: онъ самъ управлялъ своими дѣлами и былъ совершенно независимъ какъ отъ папы, такъ и отъ епископата. Англійское правительство смотрѣло довольно снисходительно на выходки

противъ папской власти, съ особенності съ тѣхъ поръ, какъ папы поселились въ Авиньонъ и злоупотребляли своею властью, оказывая поддержку французскимъ королямъ въ ущербъ английскимъ. Виклифъ, какъ предполагаютъ, родился въ 1324 г. въ одной изъ деревень Йоркшира. Онъ кончилъ свое образованіе въ Оксфордѣ, и, въ подраженіе Томъ Аквинскому, написалъ теологическое сочиненіе: «De Dominis civili». Здѣсь высказывается то знаменитое положеніе, что власть должна быть основана на заслугахъ. До тѣхъ поръ, пока дѣло шло объ авиньонскихъ папахъ, положеніе Виклифа встрѣчало одно сочувствіе въ Англіи, но лишь только оно коснулось английскихъ правителей, тогда поднялась буря противъ Виклифа. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти ему была прочтена анаэема на Констанцскомъ соборѣ, его кости вырыты и сожжены; его рукописи уничтожены. Но, несмотря на это, его сочиненія сохранились въ Оксфордѣ и продавались по возвышенной цѣнѣ, такъ какъ у него тамъ было много приверженцевъ.

Стремясь распространить свои антипапскія доктрины, Виклифъ основалъ орденъ «Нищихъ поповъ»; послѣдніе должны были ихъ проповѣдывать среди населенія, главнымъ образомъ—среди крестьянъ. Религіозный характеръ проповѣди и странническая жизнь «Нищихъ поповъ» не внушали опасеній правительству; даже самъ Виклифъ не подозрѣвалъ, какое сѣмя посеютъ они на своемъ пути. А, между тѣмъ, эти «Нищіе попы» занялись пропагандой гражданскаго равенства; свободные и независимые, они проповѣдывали крестьянамъ такія вещи, отъ которыхъ пришли бы въ ужасъ всѣ сеньоры, еслибы могли ихъ только услышать. Но «Нищіе попы» вели осторожно свои дѣла; они завѣдывали общей кассой земледѣльческихъ рабочихъ и помогли крестьянамъ образовать тайный союзъ, который вскорѣ покрылъ всю Англію.

Въ первые годы царствованія Ричарда II Анна Богемская покровительствовала Виклифу. Народъ усталъ отъ войны съ Франціей, но не изнывалъ отъ нищеты, благодаря взаимопомощи, которая давала ему возможность удержать заработную плату на довольно высокомъ уровнѣ. Благодаря фландрской иммиграціи, въ восточныхъ, южныхъ и западныхъ графствахъ Соединеннаго Королевства развилась шерстяная мануфактура; населеніе этихъ пунктовъ съ жадностію воспринимало доктрины «Нищихъ поповъ»,—идею гражданскаго равенства и свободы.

Но тогда какъ трудящіеся классы все больше и больше проникались новымъ ученіемъ, сеньоры задумали возстановить барщину, которая давно была отмѣнена. Разумѣется, буря не замедлила разразиться, возстаніе вспыхнуло и привело къ кровавой развязкѣ.

Правительство ополчилось противъ «Нищихъ поповъ»; имъ пришлось искать убѣжища отъ преслѣдованій, и они нашли его у ткачей Норфолька.

Промышленныя страны всегда болѣе другихъ склонны воспринимать новыя ученія; примѣромъ тому, могутъ служить графство Тулузское, Флан-

дрія и восточная Англія. Въ послѣдней до того прочно укоренилось ученіе «Нищихъ поповъ», что, несмотря на всѣ усилія, его не могли оттуда вырвать съ корнемъ.

Исторія показываетъ намъ, что религіозныя движенія играютъ социальную роль лишь въ томъ случаѣ, если на ряду съ нравственнымъ совершенствованіемъ они обѣщаютъ матеріальныя блага. Защищая существующій порядокъ вещей, они терпятъ крушеніе. Всѣ религіи при своемъ возникновеніи пытались обезпечить счастье своихъ прозелитовъ не только въ томъ, но и въ этомъ мірѣ. Вотъ гдѣ секретъ успѣха Зороастра, Будды и ислама. Пользуясь народнымъ недовольствомъ, онѣ проповѣдывали свободу, говорили объ естественномъ равенствѣ людей и обязанностяхъ сильныхъ міра сего; въ той или другой формѣ онѣ повторяли вмѣстѣ съ Виклифомъ, что власть должна быть основана на заслугахъ. Въ Англии диссиденты жестоко обрушивались на англиканскую церковь главнымъ образомъ за то, что она служитъ интересамъ двухъ господствующихъ классовъ.

Безполезно также было бы мечтать о социальномъ переворотѣ, если классы, на которые разчитываешь опереться, не пользуются уже извѣстнымъ благосостояніемъ. Въ эпоху полного упадка и разоренія никто не сталъ бы слушать «Нищихъ поповъ»; для того, чтобъ организовать, нужно быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. Поэтому-то крестьянская война въ Англии вспыхнула въ періодъ дешевыхъ цѣнъ и высокой заработной платы; поэтому-то правительство сочло нужнымъ вполнѣ, когда улеглась первая вспышка его гнѣва, уважить требованія крестьянъ и отмѣнить крѣпостничество.

Пуританское движеніе возникло въ нѣдрахъ среднихъ классовъ, городскихъ купцовъ и деревенскихъ фермеровъ. Поддѣлка монеты при Генрихѣ VIII отозвалась особенно сильно на землевладѣльцахъ, получающихъ ренту съ рабочихъ, которые жили трудами рукъ своихъ; на мелкихъ же фермерахъ это почти не отразилось; обрабатывая свой клочокъ земли, они сами потребляли большую часть продуктовъ своего труда. Если имъ удавалось еще заняться домашнимъ производствомъ льняныхъ и шерстяныхъ тканей, то ихъ положеніе было довольно сносно. Земледѣльцы и ремесленники оставались въ сторонѣ отъ движенія; они не приняли никакого участія въ борьбѣ между приверженцами королевской власти и защитниками политической свободы. 1642 г. далъ начало новымъ религіознымъ сектамъ, изъ которыхъ главными были квакеры и индепенденты. Первые жили въ деревняхъ и занимались агрикультурой, вторые группировались въ городахъ. Квакеры проповѣдывали скромную, трудовую жизнь и возводили въ догматъ отрицаніе десятины; они были образцовыми фермерами, являясь сторонниками интенсивной культуры.

Индепенденты играли болѣе видную роль въ экономической исторіи Англии. Это были ярые республиканцы XVII в., враги монархіи и реставрированной церкви. Большіе города, въ особенности Лондонъ, сдѣлались адептами ихъ ученія; но правительство и церковь ненавидѣли индепендентовъ всѣми

силами души. Только богатство спасло ихъ отъ преслѣдованій; благодаря блестящему расцвѣту торговли въ концѣ XVII в., они нажили огромныя состоянія и сдѣлались крупными финансистами Лондона. Карль охотно бы ихъ обобралъ, но онъ боялся, какъ говорилъ самъ, прогуляться еще разъ за границу. Они помогли въ послѣдствіи дѣлу революціи 1688 г. своими капиталами, выхлопотавъ себѣ взаимнѣ выгодныя торговыя гарантіи.

Индепенденты были главными основателями англійскаго банка, и было бы нелѣпо, еслибъ правительство, имѣвшее съ ними постоянныя дѣла, вздумало ихъ преслѣдовать за ихъ религіозныя вѣрованія. Вѣротерпимость явилась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ новой финансовой и политической системы.

Методическое движеніе Веслея возникло и распространилось среди рабочихъ классовъ. Вначалѣ нападки Веслея ограничивались только членами англиканской церкви, но нетерпимость послѣднихъ отклонила его отъ первоначальнаго плана. Еслибъ онъ проповѣдывалъ свое ученіе въ XVII в., въ эпоху крайней нищеты, народъ остался бы глухъ къ его проповѣди. Но въ первой половинѣ XVII в., въ періодъ низкихъ цѣнъ и повышенной заработной платы, Веслей былъ услышанъ, и его проповѣдь пережила кровавыя войны революціи и имперіи.

Замѣчательные успѣхи рабочихъ въ теченіе XIV, XV и первой половины XVI вв. находились въ тѣсной связи съ распространеніемъ ученія Виклифа. Какъ ни старались его искоренить, оно не потухло въ сердцахъ народа. Высота податного обложенія Норфолька въ эпоху «Нищихъ поповъ» и развитіе ткацкой промышленности свидѣтельствуетъ о его благосостояніи. Въ XIV, XV и началѣ XVI вв. онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ графствъ по количеству платимыхъ имъ налоговъ. Этимъ преобладаніемъ Норфолькъ былъ обязанъ нравамъ своихъ жителей, этому поколѣнію ткачей и земледельцевъ, которое воспиталось на религіозныхъ и соціальныхъ воззрѣніяхъ «Нищихъ поповъ».

Впослѣдствіи доктрины Виклифа распространились и въ другихъ графствахъ, его основныя положенія были приняты англиканскою церковью, а самъ онъ названъ «Утреннею звѣздой реформаціи». Но еще долго названіе ткача было синонимомъ еретика.

И. Г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

лой Азіи всѣ условія внутренняго самоуправленія, точно опредѣлить предѣлы этой армянской территоріи, предоставить армянскому движенію сюда свободный приливъ, обезпечить насильственно обращеннымъ въ исламъ армянамъ право возвращенія въ лоно своей христіанской церкви, организовать способъ національной самообороны отъ курдскихъ и турецкихъ хищничествъ, принять Арменію подъ охрану европейскихъ державъ—вотъ, повидимому, задачи, которыя диктуются не однимъ челоуколюбіемъ, но и благоразуміемъ, такъ какъ этотъ актъ явится началомъ постепеннаго мирнаго разрѣшенія возникшихъ въ турецкихъ провинціяхъ смуть, чреватыхъ страшными кровопролитіями и переворотами.

Очевидно, однако, къ прискорбію, что разногласіе и индифферентизмъ европейскихъ державъ будутъ служить главнѣйшимъ препятствіемъ къ достиженію единодушія Европы. Но первостепенная важность вопроса и должна бы побудить наиболѣе заинтересованныя державы: Россію, Англію и Францію—образовать тотъ *consortium*, о которомъ горделиво возвѣщаетъ французская дипломатія, присвоивая себѣ и честь его изобрѣтенія.

А.

Торольдъ Роджерсъ объ экономической исторіи Англіи *).

Въ экономической исторіи Англіи нѣтъ болѣе интереснаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ мало изслѣдованнаго вопроса, какъ вопросъ о локализациі богатствъ. Еслибъ мы располагали точными данными по этому вопросу,—говоритъ Роджерсъ,—мы могли бы дать себѣ болѣе ясный отчетъ о зарожденіи и развитіи англійской промышленности, о состояніи земледѣлія въ различныхъ мѣстностяхъ королевства, могли бы констатировать, какое вліяніе имѣло законодательство на промышленность и общественное благосостояніе, могли бы вычислить количество, густоту и группировку населенія.

Но даже и теперь, при современномъ состояніи статистики, довольно трудно съ точностью рѣшить этотъ вопросъ. Густота населенія въ извѣстной мѣстности вовсе еще не указываетъ на ея процвѣтаніе: примѣромъ тому можетъ быть Ирландія, которая населена очень густо, а между тѣмъ ея населеніе изнываетъ отъ нищеты. Наименѣе ошибочными показателями служатъ таблицы по разверсткѣ подоходнаго налога, *income taxe*, и оффиціальная оцѣнка имущества, на основаніи которой взимаются налоги.

Но, впрочемъ, ни то, ни другое не гарантируетъ насъ отъ ошибокъ. Законодатели очень часто поручали оцѣнку имущества представителямъ магистратуры, которые не были лишены партійныхъ интересовъ, и потому ихъ данныя не заслуживаютъ особеннаго довѣрія.

Что же касается *income taxe*, то случалось и такъ, что заводъ, находящійся въ одномъ графствѣ, составлялъ богатство промышленника, живущаго въ другомъ мѣстѣ. Доходъ съ каждаго графства не даетъ еще вѣрной картины распредѣленія производительныхъ предпріятій, въ особенности, для такихъ городовъ, какъ Лондонъ, гдѣ классъ тратящихъ больше класса производящихъ. Йоркширъ и Ланкаширъ несомнѣнно богаче графствъ Middlesex и Surrey, а между тѣмъ въ статистическихъ спискахъ послѣднія фигурируютъ впереди ихъ.

Для извѣстнаго періода среднихъ вѣковъ задача менѣе сложна. Здѣсь

*) Русская Мысль, кн. X.

мы обладаемъ неоцѣнимымъ источникомъ — кадастромъ *Domesday*; онъ перечисляетъ всё богатства въ каждой данной мѣстности, указываетъ на ресурсъ каждой сеньоріи, каждаго прихода, каждаго феодальнаго замка, приводитъ количество собственниковъ и жителей, опредѣляя въ то же время характеръ ихъ повинностей.

Это документъ не только замѣчательный, но единственный въ своемъ родѣ, какого не встрѣчается въ архивахъ ни у одной изъ націй. Но, несмотря на это, онъ никогда не былъ изслѣдованъ съ точки зрѣнія статистики и интересующаго насъ вопроса; а между тѣмъ этотъ вопросъ не былъ такъ сложенъ въ тѣ времена, потому что общество состояло изъ болѣе однородныхъ элементовъ, которые находились въ непосредственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Въ ту отдаленную эпоху почти всё, за исключеніемъ мельника и государственнаго чиновника, занимались земледѣліемъ. Прялка и ткацкое ремесло процвѣтали подъ каждою крышею; крестьяне сами ткали матерію для своей одежды. Даже шерсть дѣлилась на два сорта: одна выдѣлывалась на продажу, а другая—для домашняго обихода.

На-ряду съ этимъ домашнимъ производствомъ, разсѣяннымъ по всему королевству, существовало нѣсколько льняныхъ и шерстяныхъ мануфактуръ, которыя были сконцентрированы въ Норфолькѣ, несмотря на неблагоприятныя условія климата для тканья и пряденія шерсти. Это объяснялось близостью Норфолька къ Франціи; въ тѣ времена онъ былъ богаче и населеннѣе, чѣмъ теперь.

Обыкновенно преувеличиваютъ цифру народонаселенія въ средневѣковой Англии, ссылаясь на количество большихъ церквей, которыя были построены въ эту эпоху. Но не слѣдуетъ забывать, что въ тѣ времена церковь являлась общественною залой прихода, куда стекались прихожане обсуждать свои дѣла и куда подчасъ они складывали дорогіе припасы, вродѣ зерна или шерсти. Религіозная идея церкви, предназначавшейся для культа, ведетъ свое начало со временъ Лода и ХVІІ в. Въ Оксфордѣ до тѣхъ поръ церковь Св. Маріи служила академическою залой, гдѣ защищались диссертациі, выдавались дипломы и собирався университетскій совѣтъ.

Но вернемся къ показаніямъ *Domesday*. Центральныя, восточныя и южныя графства на-ряду съ Кантономъ были самыми богатыми, благодаря обилію луговъ и пахатныхъ земель; Девонширъ же, Корнваллисъ, западныя графства по сосѣдству съ Валлисомъ и сѣверныя—самыми бѣдными, бѣдность которыхъ увеличивалась еще больше, вслѣдствіе набѣговъ шотландцевъ и жителей Валлиса. Йоркъ занималъ подчасъ второе мѣсто среди городовъ королевства, фигурируя рядомъ съ Лондономъ, но остальная часть сѣверной Англии находилась въ заустѣнни и была скудно населена. Тамъ встрѣчались иногда укрѣпленные замки и богатые монастыри, но не было большихъ городовъ. Манчестеръ и Ливерпуль представляли собою большія села, а восточная часть Йоркшира состояла изъ пустырей и болотъ. Грубые нравы жителей внушали страхъ и отвращеніе сосѣдямъ южной полосы. Для дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса о локализациі богатствъ, главнымъ

и почти единственнымъ источникомъ являются *assessments*, т.е. списки о распредѣленіи податей, которые составлялись парламентомъ каждый разъ, какъ вводился новый налогъ. Самыми обычными налогами въ это время были прямые, — десятая или пятнадцатая часть съ имущества. Раскладка ихъ носила постоянный характеръ и была въ началѣ справедлива, но съ теченіемъ времени утрачивала это качество. Такихъ *assessments* имѣется одиннадцать, но ни одинъ изъ нихъ не относится къ концу XVI в. — эпохъ особенно интересной, вслѣдствіе уничтоженія монастырей, перемѣны въ способахъ землевладѣнія и прилива драгоцѣнныхъ металловъ изъ Новаго Свѣта.

Четыре изъ этихъ *assessments*, составленные на протяженіи 162 лѣтъ (1341—1503) позволяютъ намъ сдѣлать оцѣнку относительнаго богатства англійскихъ городовъ и графствъ на основаніи данныхъ наиболѣе компетентныхъ современниковъ. По цифрѣ податного обложенія графство *Middlesex*, не исключая отсюда Лондона, превосходитъ всѣ остальные графства. Безъ Лондона оно заняло бы девятое мѣсто, несмотря на то, что столица Англій не переступала до половины XVI вѣка за предѣлы своихъ старыхъ границъ и изобиловала большими садами и обширными пустырями. Ея населеніе не превышало 50,000 душъ; но лондонскіе купцы и промышленники были и тогда уже богаче, чѣмъ въ другихъ городахъ королевства. Въ первомъ *assessments* Норфолькъ фигурируетъ во второмъ ряду; Оксфордъ много позади его, тогда какъ въ остальныхъ трехъ онъ опережаетъ Норфолькъ. Послѣдній былъ обязанъ своимъ преобразованиемъ не развитію агрикультуры, такъ какъ земля тамъ бѣдна, а цвѣтущему состоянію промышленности, перенесенной туда изъ Фландріи. По статистикѣ *income tax* въ 1869 г. Норфолькъ занялъ среди тридцати семи графствъ, обложенныхъ въ 1341 г., двадцать пятое, а Оксфордъ — семнадцатое мѣсто. Высокое обложеніе Оксфордшира не трудно объяснить; онъ обладалъ прекрасными пахатными землями, которыя почти сплошь подвергались разработкѣ; главною причиною его процвѣтанія были великолѣпныя пастбищныя луга, простиравшіеся на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Оксфорда. Ланкаширъ, Кумберландъ и Нортумберландъ находились въ концѣ списка. Акръ земли въ Оксфордскомъ графствѣ былъ оцѣненъ въ десять разъ дороже, чѣмъ въ этихъ трехъ графствахъ. Минеральныя богатства Стаффордшира таились подъ землею, а современные центры богатствъ представляли голыя и пустынные мѣстности. Брадфордъ и Лидсъ скромно торговали сукнами; Шеффилдъ фабриковалъ грубое оружіе изъ стали. Что касается остальныхъ, они были данниками балтійскихъ провинцій, Фландріи и Испаніи.

Въ 1341 г. податное обложеніе Лондона, при введеніи налога на шерсть, составляло четвертую часть обложенія Норфолька, тогда какъ въ 1453 г. онъ поднялся выше Норфолька. Быстрое развитіе Лондона совершилось въ первой половинѣ XV в., о чемъ свидѣтельствуютъ архивы, уцѣлѣвшіе отъ пожара 1665 г.

Что распредѣленіе налоговъ производилось довольно правильно, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1453 г. Лондонъ былъ обложенъ втрое больше Оксфордшира, тогда какъ въ 1503 г. послѣ эпидеміи горячки и страшнаго пожара, уничтожившаго часть его зданій, онъ былъ обложенъ только на половину по сравненію съ Оксфордширомъ.

За періодъ отъ 1503 по 1636 г. не имѣется никакихъ данныхъ относительно локализации богатствъ, а между тѣмъ это самый интересный періодъ: онъ былъ свидѣтелемъ уничтоженія монастырей, упадка городовъ и агрикультуры, развитія овцеводства и шерстяной промышленности, подѣлки монетъ, религіозныхъ войнъ, разоренія Фландріи и образованія республики въ Нидерландахъ.

Эти событія несомнѣнно повліяли на распредѣленіе богатствъ. Въ Норфолькѣ, опустошенномъ возстаніемъ Кета, промышленность стала падать и перемѣстилась въ другіе пункты, Дорсетъ и Эссекъ.

Когда въ 1636 г. былъ введенъ налогъ на морскіе суда, Норфолькъ, Оксфордъ и Кембридж спустились гораздо ниже, чѣмъ прежде, а Мидльсексъ, Бедфордъ, Беркъ, Лейчестеръ и нѣкоторыя другія графства стали фигурировать въ первыхъ рядахъ, вѣроятно, благодаря высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, замѣчаетъ авторъ. Кумберландъ, Ланкаширъ, Вестморладъ, Дюргамъ и Нортумберландъ заняли послѣдніе ряды. Обложеніе акра земли въ Мидльсексѣ было въ 141 разъ больше, чѣмъ въ Кумберландѣ. Assesment 1641 г. при разверсткѣ 400,000 фунтовъ стерлинговъ между графствами Англии и Валлиса, даетъ совершенно неожиданныя перемѣщенія: Норфолькъ, Кентъ, Суффолькъ, Эссекъ и Surrey выступаютъ во главѣ списка, тогда какъ Рютландъ, Нортгаутъ и Лейчестеръ отодвинуты на задній планъ.

Assesment отъ 25 марта 1649 г. представлявшій разверстку 90,000 фунт. стерл., которые должны были взиматься ежемѣсячно въ теченіе полугода на содержаніе арміи, нѣсколько исправилъ ошибки предыдущаго распредѣленія, хотя на него такъ же мало можно полагаться, какъ и на первый.

Девонширъ и Surrey спустились внизъ, а Эссекъ, Кембриджъ и Суссекъ поднялись выше. Для послѣдняго, впрочемъ, переходъ съ двадцать третьяго на девятое мѣсто объясняется развитіемъ чугунно-плавильныхъ заводовъ и кузницъ, которые процвѣтали въ ту эпоху и пришли въ упадокъ, когда были уничтожены лѣса въ этой мѣстности.

Въ декабрѣ того же 1649 г. парламентъ обнародовалъ новый assesment, который, по его словамъ, былъ составленъ съ величайшею тщательностью. Графство Middlesex появилось опять во главѣ, а за нимъ слѣдовали Суффолькъ, Surrey, Herts, Кентъ, Эссекъ, Бетфордъ, Рютландъ, Норфолькъ и Кембриджъ. Восточныя и сосѣднія съ Лондономъ графства пострадали меньше всего отъ войны; шерстяное производство снова развилось въ Эссекѣ и торговля съ континентомъ стала опять процвѣтать. Суссекъ спустился ниже на двадцать пятое мѣсто.

Въ пятнадцати графствахъ, слѣдовавшихъ за Middlesex, обложеніе акра

земли рознилось очень мало, и относительное положеніе бѣдныхъ графствъ было сохранено въ томъ же порядкѣ. Тяжелѣе всего война отразилась на Нортумберландѣ, такъ что тамъ даже было приостановлено добываніе угля.

Съ 1649 по 1672 г. мы видимъ кое-какія перемѣны: Сомерсетъ, благодаря развитію шерстяного производства, переходитъ изъ четырнадцатаго въ восьмой рядъ. Эссекъ, шестой въ 1649 г., становится седьмымъ, вслѣдствіе основанія мануфактуры шерстяныхъ тканей въ Кольчестерѣ, а Норфолькъ съ девятаго мѣста спускается на двѣнадцатое. Въ общемъ относительное положеніе графствъ почти не измѣнилось, но податное обложеніе менѣе богатыхъ изъ нихъ нѣсколько увеличилось. Послѣдній налогъ, вотиrowанный парламентомъ послѣ революціи 1688 г., долженъ былъ принести казнѣ около двухъ милліоновъ. Шестая часть этой суммы выпадала на долю Лондона и графства Middlesex. Но такъ какъ комиссары по распредѣленію назначались не парламентомъ, а мѣстными властями, то не безъ основанія предполагаютъ, что тутъ были допущены кое-какія погрѣшности: впрочемъ, сторонники революціи дѣйствовали вполне добросовѣстно, тогда какъ партизаны Стюартовъ обложили свои имущества ниже ихъ дѣйствительной цѣны. Распредѣленіе этого налога долго оставалось неизмѣннымъ, а черезъ сто лѣтъ Питтъ Младшій утвердилъ его на вѣчныя времена. По этому распредѣленію Surrey занялъ второе мѣсто, Hertford—третье, Буск—четвертое, Будфордъ, Беркъ и Эссекъ—пятое, шестое и седьмое, Кентъ—девятое, Суффолькъ—десятое, а Сомерсетъ—тринадцатое. Обвиненіе въ неправильномъ распредѣленіи, замѣчаетъ Роджерсъ, кажется, справедливо, хотя оцѣнка земли не разнится слишкомъ сильно въ центральныхъ и сѣверныхъ графствахъ: такъ, на примѣръ, въ Суффолькѣ она не вдвое больше, чѣмъ въ Shropshire, и не втрое, чѣмъ въ Йоркширѣ.

На этихъ послѣднихъ данныхъ мы и остановимся. До конца XVI в. населеніе Англій и Валлиса не превышало двухъ съ половиной милліоновъ, а временами было даже ниже этой цифры. Къ концу же XVII в. оно разрослось до пяти—пяти съ половиной милліоновъ. О густотѣ населенія въ эту пору можно судить по переписи жилищъ и дворовъ въ 1690 г. Въ Вестморландѣ и Кумберландѣ приходилось по одному жилищу на 70,55 и 63,66 акра земли, тогда какъ въ Middlesex и Surrey—по одному на 1,619 и 11,79 акра. Въ графствахъ Дургамъ и Нортумберландѣ населеніе было гуще, чѣмъ въ Дорсетѣ, Линкольширѣ и Гампширѣ, но пропорціональное отношеніе дворовъ къ числу жилищъ гораздо меньше, какъ и въ сѣверныхъ графствахъ. Жизнь на сѣверѣ была тяжелѣе, хотя населеніе тамъ довольно быстро разрослось послѣ умиротворенія шотландской границы и развитія ткацкой промышленности. Прежде, чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на относительное распредѣленіе налогового обложенія въ пользу бѣдныхъ въ концѣ царствованія Карла II. Maximum приходился на Middlesex, Норфолькъ и графства, не пострадавшія отъ гражданской войны; minimum—на сѣверную часть Англій и графства, гдѣ она свирѣпствовала особенно сильно. Отсюда можно заключить

что часть населенія эмигрировала изъ этихъ мѣстъ на югъ, въ болѣе мирныя страны. Вѣроятно, для того, чтобъ остановить эту эмиграцію, и былъ изданъ законъ *du domicile de secours paroissial*, который утратилъ свою силу на сѣверѣ, когда вѣкъ спустя развитіе промышленности привлекло туда излишекъ разросшагося населенія юга.

Начало пауперизма слѣдуетъ отнести приблизительно къ первой половинѣ XVI вѣка. Когда въ XIV вѣкѣ землевладѣльцы попробовали впервые понизить уровень заработной платы законодательнымъ путемъ, они не достигли желанныхъ результатовъ. Но фіаско было полное, когда въ 1495 г. законъ установилъ тарифъ заработной платы, который вполне удовлетворялъ рабочихъ, оказавшихся господами рабочихъ. Гильдія, къ которой они принадлежали, была для нихъ передъ уніономъ обществомъ взаимопомощи. Многіе изъ нихъ владѣли землею, и крупные собственники знали, что наемный работникъ, который имѣетъ свою землю, не такъ легко уступить ихъ требованіямъ.

Разореніе рабочихъ началось со времени поддѣлки монеты. Выпускъ фальшивыхъ денегъ является со стороны правительства тяжелымъ преступленіемъ и особеннымъ бременемъ ложится на бѣдные классы. За нимъ послѣдовала конфискація недвижимыхъ имуществъ цеховъ и фондовъ различныхъ обществъ взаимопомощи; а затѣмъ повышеніе цѣнъ на жизненные припасы, которое окончательно доканало рабочихъ. Заработная плата осталась на томъ же уровнѣ, тогда какъ цѣны поднялись на 275% и обладатель 16,6 шиллинговъ не сталъ богаче того, кто прежде обладалъ 6. Въ довершеніе же всего, какъ разъ въ это время былъ изданъ Елизаветой законъ, который предоставлялъ мировымъ судьямъ устанавливать высоту заработной платы и налагать тяжкія наказанія. Этотъ знаменитый парламентскій актъ, разорившій въ конецъ рабочихъ, представлялъ собою въ сущности только сводъ прежнихъ [законовъ; но моментъ былъ слишкомъ неблагопріятный, слабые и беззащитные рабочіе принуждены были уступить. Этотъ актъ отнялъ у нихъ все права на жизнь. Тогда-то пришлось прибѣгнуть къ общественной благотворительности въ широкихъ размѣрахъ, чтобы не дать умереть имъ съ голоду.

Первая попытка законодательства въ этой сферѣ относится къ 1541 г., но изданный тогда законъ ни къ чему не обязывалъ общество, всякій былъ воленъ давать или не давать въ пользу бѣдныхъ. Со времени этого закона до 1601 г. насчитывалось двѣнадцать парламентскихъ актовъ, регулирующихъ общественную благотворительность. Все они необыкновенно интересны, какъ иллюстрація экономической исторіи Англии. Законодатели надѣялись, что частная благотворительность покроетъ недочетъ низкой заработной платы, но они не знали того, что никакая благотворительность, даже самая активная, не въ состояніи устранить общественнаго зла, причины котораго лежатъ гораздо глубже.

Законодатели начали со скромныхъ призывовъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ, но вскорѣ эти призывы обратились въ настоящія требова-

нія. Сперва они зывали ко всему обществу, затѣмъ только къ богатымъ, увѣщевая ихъ пожертвовать часть своего излишка; но когда тѣ не проявили особенной готовности, то прибѣгли къ принужденію. Богачей, увернувшихся отъ взносовъ въ пользу бѣдныхъ, заточали въ тюрьму, облагали ихъ имущество налогомъ и кончили тѣмъ, что взвалили бремя общественной благотворительности на плечи всѣхъ собственниковъ и владѣльцевъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ. Въ одномъ изъ приходоу распределеніе налога совершалось такимъ образомъ: всякій, кто имѣлъ до десяти акровъ земли, обязанъ былъ платить по одному пенни въ годъ съ акра и по два пенни тотъ, кто владѣлъ имуществомъ отъ десяти до тридцати акровъ. Предполагаемый же дефицитъ долженъ былъ покрываться изъ взносовъ прихожанъ, имѣвшихъ свыше тридцати акровъ земли.

Законъ 1601 г., изданный Елизаветой, имѣлъ только временную силу, но онъ былъ возобновляемъ въ каждую парламентскую сессію. Мудрено было рассчитывать на уменьшеніе народной нищеты, если принять во вниманіе общее повышеніе цѣнъ и регламентацію заработной платы. Во времена реставраціи этотъ законъ былъ утвержденъ навсегда и продержался до 1835 года. Законъ *du domicile paroissial* былъ изданъ при реставраціи. Этотъ законъ создалъ различіе между приходами, раздѣлилъ ихъ на закрытые и открытые, къ счастью, это различіе отошло уже въ область историческихъ преданій. Въ первыхъ приходохъ вся земля принадлежала одному собственнику; ему ничего не стоило выгнать всѣхъ бѣдняковъ, и выдавать пособіе изъ общественныхъ суммъ только своимъ нуждающимся работникамъ. Во-вторыхъ, земля была раздѣлена между нѣсколькими собственниками, и это препятствовало подобному образу дѣйствія. Чтобъ устранить вышеупомянутое зло, былъ изданъ законъ, извѣстный подъ названіемъ *Gilbert's Act*, который предписывалъ соединеніе нѣсколькихъ приходоу въ одно; но конецъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ въ этой сферѣ былъ положенъ только въ 1835 г.

Послѣ революціи положеніе трудящихся классовъ вовсе не улучшилось. XVII вѣкъ былъ для нихъ вѣкомъ непрерывной нищеты. Хотя заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ нѣсколько и повысилась, но, благодаря начавшемуся огораживанію земель, уничтоженію мелкаго фермерства и домашняго производства, пришлось увеличить налогъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій.

Отрываемый все больше и больше отъ земли, сельскій рабочій бѣднѣлъ и пополнялъ ряды голодной арміи. Восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ изобилія, низкихъ цѣнъ и повывшейся заработной платы, нѣсколько улучшилъ положеніе трудящихся классовъ. По словамъ Артура Юнга, налогъ въ пользу бѣдныхъ не былъ такъ обременителенъ, какъ прежде. Но это длилось только до 1775 г., послѣдняя четверть вѣка явилась свидѣтельницей высокихъ цѣнъ, низкой заработной платы и такой нищеты, что она пробудила вниманіе общества.

Въ Беркширѣ былъ изданъ *Speenhamland Act*, который устанавливалъ мѣнѣе заработной платы, достаточный, по этому акту, для со-

держанія семьи изъ трехъ душъ. Если же семья была многочисленнѣе, то рабочему выдавалась на каждаго ребенка добавочная сумма изъ доходовъ, поступавшихъ въ пользу бѣдныхъ. Съ теченіемъ времени обложеніе въ открытыхъ приходахъ сдѣлалось безпощаднымъ; собственники оказались разоренными, благодаря своему собственному изобрѣтенію. Тогда обратились къ другимъ мѣрамъ, которыя были санкціонированы закономъ 1835 г. Послѣдній давалъ право отказывать здоровымъ нищимъ, вынуждая ихъ тѣмъ поступать въ работный домъ.

Эта эгоистическая политика, по словамъ Роджерса, повела къ зарожденію чартизма и сослужила службу консервативной партіи, придавъ ея политической программѣ quasi-соціалистическую окраску. Нѣкоторые изъ пунктовъ этой программы, какъ, на примѣръ, законы въ сферѣ фабричнаго труда (*Factory acts*), которые прошли, благодаря поддержкѣ рабочихъ и ихъ вожаковъ, заслуживали полного вниманія. Но, съ другой стороны, консерваторы были такъ слѣпы, когда противились отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ подъ предлогомъ, что свободная торговля понизитъ уровень заработной платы. Они думали, что искусственное повышеніе цѣнъ въ состояніи удержать ее на высокомъ уровнѣ.

Однако пора обратиться къ англійской промышленности. Англійскій народъ, какъ говоритъ Роджерсъ,—долгое время не могъ похвастаться своими изобрѣтеніями въ области техники и индустріи. А между тѣмъ Англія въ средніе вѣка пользовалась такими преимуществами, какихъ не имѣли фламандскія городскія общины. Англичане жили въ сторонѣ отъ иностранныхъ вторженій и англійская знать охотно оставляла свой мечъ для серпа. Внутри самой Англии царилъ миръ, даже тогда, когда англійскіе короли воевали съ Франціей. Но, несмотря на эти преимущества, англичане довольствовались тѣмъ, что разводили овецъ и продавали шерсть своимъ сосѣдямъ фламандцамъ, которые успѣли прославиться на всю Европу ткацкимъ искусствомъ. Они же и научили англичанъ ткать шерсть, но нужно замѣтить, что послѣдніе были довольны неспособными учениками и не такъ скоро научились этому ремеслу. Единственное, что тогда процвѣтало въ Англии, была выдѣлка бумаги и фабрикація оконныхъ стеколъ.

Добывающая промышленность въ концѣ XIII и началѣ XIV в. не ушла здѣсь дальше обрабатывающей. Англичане не умѣли пользоваться ни своими рудниками, ни соляными копами, какъ не умѣли выдѣлывать кирпичей,—искусство, доведенное римлянами до совершенства. Только въ концѣ XV и началѣ XVI в. кирпичи вошли во всеобщее употребленіе. Эта инертность англійскаго народа тѣмъ болѣе странна, что другіе германскіе народы очень рано заявили себя въ сферѣ открытій и изобрѣтеній. Книгопечатаніе было перенесено съ береговъ Рейна въ Англию только черезъ тридцать лѣтъ послѣ его изобрѣтенія.

Все это свидѣтельствуешь о томъ, что англичане среднихъ вѣковъ были далеко не изобрѣтательнымъ народомъ, который даже довольно туго воспринималъ различныя нововведенія.

Въ Англіи издавна существовало прядильное и ткацкое ремесло въ состояніи домашняго производства. Оно до того было распространено среди женщинъ до половины послѣдняго вѣка, что еще до сихъ поръ называютъ незамужнихъ женщинъ «пряжами» (spinsters). Но сбытъ былъ слишкомъ ограниченъ, семья не могла существовать однимъ своимъ заработкомъ, и ремесленникъ принужденъ былъ въ то же время заниматься обработкой земли. Законы о земледѣльцахъ давали право привлекать ихъ насильно къ земледѣльческому труду во время жатвы. Впрочемъ, почти всѣ тогда въ Англіи занимались земледѣліемъ. Когда наступали каникулы, государственные люди и доктора спѣшили въ деревню. По окончаніи парламентской сессіи, королевскій указъ съ безсознательной ироніей предоставлялъ депутатамъ общинъ вернуться къ своимъ полямъ, а лордамъ—къ развлеченіямъ.

Норфолькъ, какъ было уже сказано, былъ колыбелью ткацкой промышленности. Онъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Нидерландами и по его рѣкамъ сплавлялись товары на ярмарку въ Стурбриджъ, — недалеко отъ Кембриджа, — главный рынокъ южной Англіи. Счетныя книги не говорятъ о происхожденіи проданныхъ суконъ и полотенъ, но весьма возможно, что добрая часть ихъ фабриковалась на мѣстѣ и сходила за иностранный товаръ. Впрочемъ, тонкія полотна и сукна, въ которыя одѣвались богатые классы, получались изъ Фландріи, а бархаты и шелкъ—изъ Генуи и Венеціи. Шелковая мануфактура была основана въ Лондонѣ только въ XV вѣкѣ.

Инертность англичанъ въ сферѣ промышленности объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что Англія въ ту эпоху была по преимуществу земледѣльческой страной. Она имѣла только одинъ большой городъ—Лондонъ—съ 30,000—40,000 жителей. Деревенское населеніе въ четырнадцать разъ превышало городское, а торговлей и промышленностью занималось только послѣднее.

Въ деревняхъ каждый былъ замкнутъ въ своемъ приходѣ. Обычай не допускать иностранцевъ въ общину и организація мѣстной юстиціи способствовали изолированности деревень другъ отъ друга. Эта замкнутость, оторванность отъ большихъ городовъ парализовала развитіе и предприимчивость англійскаго народа. Деревенскіе жители посѣщали только сосѣднія ярмарки, вывозя на рынокъ излишекъ скота, хлѣба и шерсти, который имъ не удавалось сбыть мѣстнымъ купцамъ. Рынки до того нерегулярно снабжались товарами, что колледжи: Этонскій, Винчестерскій и др.—принуждены были обращаться въ отдаленныя мѣста, чтобъ ихъ нѣсколько пополнить. Они функционировали только въ дни ярмарокъ и въ какихъ-нибудь три недѣли здѣсь совершалось больше дѣлъ, чѣмъ за все остальное время года. Такъ какъ сбытъ былъ ограниченъ и нерегуляренъ, никому не приходило въ голову изыскивать средства, чтобъ удешевить производство или увеличить количество продуктовъ, въ особенности послѣ чернаго мора, когда цѣна рабочихъ рукъ поднялась такъ высоко. Если сравнить Англію съ Фландріей въ царствованіе Карла Смѣлаго (1467—1477 гг.),

когда она достигла блестящаго расцвѣта въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, мы видимъ поразительную разницу: все побережье Фландріи было усѣяно большими цвѣтущими городами. Торговля Запада съ Востокомъ сосредоточивалась въ Брюгге, а всѣ торговыя сдѣлки совершались черезъ Антверпенъ. Фландрія имѣла монополію суконнаго производства; она была такъ густо населена, что не могла удовлетворять сама насущнымъ потребностямъ своихъ жителей и вывозила огромныя партіи ячменя изъ Норфолька. У фламандцевъ былъ обширный рынокъ для сбыта товаровъ и никакіе протекціонныя тарифы не были въ состояніи остановить ввоза фламандскаго сукна, такъ какъ ихъ легкія барки, сновавшія въ бухтахъ, ускользали отъ всякаго надзора.

Когда Фландрія была разорена религіозными войнами, масса ткачей эмигрировала въ Англию и Францію, въ особенности послѣ 1567 г.; Брюгге и Антверпенъ уступили мѣсто Амстердаму. Но, несмотря на устраненіе фламандской конкуренціи, англійская промышленность продолжала оставаться въ прежнемъ состояніи неподвижности. Международныя войны разоряли Англию. Въ военное время останавливается всякій прогрессъ какъ политическій, такъ и экономическій.

Республика не принесла мира, но въ эпоху протектората Англія заняла первое мѣсто въ Европѣ. Въ половинѣ XVII вѣка были найдены новые способы добыванія желѣза, которые значительно удешевили его цѣну. Иммиграція французскихъ гугенотовъ способствовала развитію шелковаго производства и помогла сражаться Англии съ торговой политикой Кольбера.

Но главнымъ событіемъ второй половины XVII в. была торговля съ Индіей, послужившая импульсомъ для развитія шерстяного производства и пріостановившая туда ввозъ суконъ изъ Испаніи. Англія, наконецъ, поняла, насколько благоприятенъ ея сѣрый и равномерный климатъ для тканья и пряденія шерсти, а въ послѣдствіи хлопчатой бумаги.

Восемнадцатый вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ какъ для англійской агрикультуры, такъ и для англійской промышленности. Со второй половины XVIII в. она стала быстро развиваться и вскорѣ достигла блестящаго расцвѣта. Политическое положеніе Европы помогло Англии страхнуть ея вѣковую неподвижность. Цивилизованный міръ увлекся завоеваніемъ рынковъ для своего исключительнаго пользованія, но къ чему привела его теорія торговой монополіи, можно судить по состоянію Европы до Парижскаго мира 1763 г.

Франція лишилась почти всѣхъ своихъ владѣній въ Индіи и Америкѣ. Семилѣтняя война объединила американскія колоніи и дала имъ возможность предпринять войну за независимость. Испанія и Скандинавія почти перестали существовать; Германія изнывала подъ бременемъ династической войны, еще не оправившись отъ религіозныхъ войнъ; Голландія была разорена Вильгельмомъ V Оранскимъ; Италія переживала агонію. Одна Англія вышла побѣдительницей изъ всеобщаго погрома. Она сдѣлалась царицей міра и госпожей величайшаго рынка, который простирался отъ береговъ

Новой Шотландіи до Флориды и достигалъ Индіи; только Англія имѣла здѣсь право разгружать и нагружать свои суда и она широко пользовалась этимъ правомъ. Англійскіе купцы и промышленники прекрасно поняли, что техническія изобрѣтенія въ сферѣ промышленности, увеличивающія производительность труда, предвѣщаютъ имъ крупную наживу; тогда-то открылось поле для дѣятельности Аркрайтовъ, Кромптоновъ и Уаттовъ. Отложеніе Сѣверо-Американскихъ колоній, конечно, сильно сузило англійскій рынокъ, но Англія оказалась на высотѣ практической изобрѣтательности и создала себѣ новое, еще болѣе могучее, господство въ колониальномъ мірѣ.

Толчокъ, сообщенный англійской промышленности, продолжалъ дѣйствовать; изобрѣтательность въ этой сферѣ росла и росла; промышленники, боясь утратить завоеванную почву, изошряли всѣ свои способности. Не-промышленныя націи туго поддаются движенію впередъ; промышленныя же не сворачиваютъ назадъ. Европа не могла конкурировать съ Англіей. Немного спустя на континентѣ вспыхнули кровавыя войны, и французы наводнили Европу отъ Гибралтара до Москвы. Англія была тоже заражена военной горячкой, но это не помѣшало ей сдѣлаться великой международной фабрикой и царицей морей. Наполеонъ, этотъ кумиръ неразумной толпы, думалъ уничтожить англійскую промышленность берлинскими и миланскими декретами, но, вопреки всему, онъ принужденъ былъ во время московскаго похода одѣть своихъ солдатъ въ англійское сукно.

Европейскій миръ отъ сраженія при Ватерлоо до Крымской войны былъ результатомъ всеобщаго истощенія. Европа устала отъ восемнадцатилѣтнихъ кровопусканій, дойдя до раззоренія. Этотъ періодъ ознаменовался проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и удешевленіемъ транспорта. Этимъ Европа была обязана Англіи, такъ какъ одна она обладала достаточными капиталами для осуществленія такой грандіозной затѣи.

Крымская и Сѣверо-Американская войны были непродолжительны, но жестоки. Первая изъ нихъ не оказала вліянія на англійскую промышленность, но отразилась на агрикультурѣ. Россія была главною поставщицей хлѣба для Англіи, и когда она прекратила его ввозъ, арендная плата сильно повысилась, а это повело къ упадку англійской агрикультуры.

Сѣверо-американская война была крайне разорительна; штаты вошли въ страшные долги. Послѣ ея окончанія спросъ на европейскіе товары и преимущественно англійскіе сталъ до того великъ, что давалъ возможность игнорировать запретительныя пошлины, которыя были очень тягостны для населенія и выгодны для правительства.

Со времени послѣдней франко-прусской войны въ Европѣ водворился миръ,—но что это за миръ! Онъ пагубнѣе отражается на экономическомъ положеніи общества, чѣмъ открытая, но скоропроходящая война. За это время не поколебалось, однако, господство Англіи въ промышленномъ мірѣ, и этимъ она не мало обязана свободной торговлѣ, которая не подавляетъ инициативы и изобрѣтательности ея народа.

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія англійской промышленности.

Теперь остается узнать, каково было положеніе англійскихъ рабочихъ въ длинный періодъ ея развитія.

Въ средніе вѣка ремесленные рабочіе были организованы въ цехи; они издавали свои уставы и регламентировали условія труда. Эти цехи или гильдіи часто получали оффиціальное признаніе, но многіе изъ нихъ существовали еще задолго до того, какъ имъ были даны хартіи. Хартіи лондонскихъ цеховъ идутъ съ XIV вѣка, а между тѣмъ, какъ говорятъ, мѣсто подъ «Домомъ ювелировъ» принадлежало имъ еще до нормандскаго завоеванія.

Цехи обладали правомъ издавать свои регламенты; но Генрихъ VI нѣсколько сузилъ это право, подвергнувъ ихъ регламенты просмотру и утвержденію мировыхъ судей. Парламентскій актъ, изданный имъ, констатировалъ, что рабочія ассоціаціи распространились не только въ городахъ, но и деревняхъ. Плотники и каменщики, несмотря на законъ Эдуарда III, провозглашавшій, что «союзы плотниковъ и каменщиковъ недѣйствительны», послѣдовали общему примѣру и также сплотились въ ассоціаціи. Впослѣдствіи эти ассоціаціи были объявлены преступленіемъ. Сельскіе рабочіе примкнули къ своимъ городскимъ собратьямъ и, какъ утверждаютъ, почти все сдѣлались въ концѣ XIV в. членами рабочихъ союзовъ, прочно организованныхъ и хорошо дисциплинированныхъ. Для того, чтобъ устоять въ борьбѣ съ хозяевами, на сторонѣ которыхъ былъ законъ, рабочіе союзы должны были обладать извѣстными денежными средствами. Крестьяне основали кассу взаимопомощи, покрывая изъ членскихъ взносов штрафы, которые налагались на ихъ товарищей. Это помогало имъ бороться съ существующимъ порядкомъ. Для этой же цѣли ремесленники ввели систему обученія. Адамъ Смитъ строго критикуетъ ее, предполагая, что она имѣла въ виду искусственное повышеніе заработной платы и препятствовала свободному приложенію труда, закрывая доступъ остальнымъ рабочимъ. Но въ дѣйствительности вопросъ о высотѣ заработной платы,—замѣчаетъ Роджерсъ,—не рѣшается такъ легко. Его рѣшеніе находится въ связи съ изученіемъ спеціальныхъ причинъ, обусловливающихъ вознагражденіе труда, и тѣхъ законовъ, которые регулируютъ цѣны продуктовъ.

Система обученія возникла благодаря тому, что ремесленные цехи стремились сохранить за собою навсегда свои профессиональныя льготы, которыя достались имъ съ такимъ трудомъ. На практикѣ ученичество существовало еще задолго до того, какъ оно было признано и даже предписано закономъ. Но не все ремесленные цехи практиковали систему обученія,—обычай допускалъ исключенія. Срокъ обученія длился почти всегда семь лѣтъ; иногда онъ былъ указанъ закономъ. Пріемъ въ члены цеха совершался по цеховымъ правиламъ. Первымъ условіемъ пріема было предварительное обученіе. Можетъ быть, представители цеховъ, ставя это условіе, руководились чисто-матеріальными соображеніями, можетъ быть, они стремились сузить поле конкуренціи, создавая преграды на самомъ по-

рогъ своей профессіи, и, наконецъ, можетъ быть, желали поддержать свое искусство на прежней высотѣ.

Въ средніе вѣка заработная плата искусныхъ ремесленниковъ превышала на 50% плату земледѣльческихъ рабочихъ. Это объяснялось тѣмъ, что ремесленники должны были постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто и, благодаря этому, жизнь стоила имъ дороже, чѣмъ земледѣльческимъ рабочимъ. Когда ремесленникъ призывался для постройки храма или монастыря, онъ принужденъ былъ покинуть свою семью и жить на два дома, что составляло лишніе расходы. Разумѣется, онъ требовалъ болѣе высокаго вознагражденія за свой трудъ и не двинулся бы съ мѣста, еслибы не удовлетворили его требованій, въ особенности когда спросъ на рабочія руки былъ великъ. Высокая заработная плата въ Лондонѣ обуславливалась тѣми же причинами: спросъ превышалъ предложеніе, а жизнь здѣсь была дороже, чѣмъ въ деревнѣ или маленькихъ провинціальныхъ городкахъ. Каменщикъ въ Оксфордѣ получалъ 440 лѣтъ тому назадъ сравнительно лучшую плату, чѣмъ теперь въ Лондонѣ, и работалъ всего 8 часовъ въ сутки, вмѣсто 56 час. въ недѣлю. Правда, средневѣковые ремесленники были настоящими художниками. Каковы бы ни были недостатки средневѣковой системы обученія—говоритъ Роджерсъ—нужно ей отдать справедливость, что она способствовала развитію искусства и усовершенствованію самаго качества ремесленного труда.

Городскія и деревенскія гильдіи спасли средніе вѣка отъ пауперизма, сообщили извѣстную устойчивость заработной платѣ и послужили связующимъ звеномъ между различными рабочими ассоціаціями, которыя преслѣдовали тѣ же цѣли, что и современные тредсъ-уніоны.

Удивительно, что эти ассоціаціи—замѣчаетъ Роджерсъ—стремившіяся главнымъ образомъ улучшить положеніе рабочихъ, такъ мало привлекали вниманіе экономистовъ. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что ихъ исторія тонетъ въ глубинѣ вѣковъ и только въ новѣйшее время стали заниматься ею.

Я не стою за государственное вмѣшательство,—говоритъ Роджерсъ,—я нахожу, что оно должно быть строго ограничено; но если я отрицаю его, когда оно направлено на защиту рабочаго, то тѣмъ болѣе отрицаю его, когда оно отстаиваетъ интересы имущихъ классовъ. Если законъ санкціонируетъ привиллегіи однихъ, то другіе вправе требовать ограниченія рабочаго времени законодательнымъ путемъ. Въ XV в. рабочимъ удалось добиться восьмичасоваго рабочаго дня только благодаря своимъ объединительнымъ усиліямъ, и предприниматели первые нашли въ этомъ выгодную сторону.

Доктрина *laissez faire*, высказанная впервые фізіократами во Франціи, получила примѣненіе въ Англіи въ двадцатыхъ годахъ этого вѣка. Успѣхъ ея былъ полный: свобода въ сферѣ экономической жизни восторжествовала и протекціонизмъ уступилъ мѣсто свободной конкуренціи. Но, несмотря на этотъ быстрый успѣхъ, вскорѣ спохватились, что *laissez faire* вовсе

не панацея, способная исцѣлить всѣ социальныя недуги. Многіе изъ нихъ представляютъ слѣдствіе тѣхъ причинъ, вредное вліяніе которыхъ пережило ихъ самихъ. Регламентация заработной платы мировыми судьями, хлѣбные законы и т. д. нанесли рабочему такія раны, отъ которыхъ онъ не можетъ оправиться при доктринѣ *laissez faire*; нужно искоренить послѣдствія прежнихъ дурныхъ законовъ путемъ новаго законодательства.

Доктрина *laissez faire* особенно не выдерживаетъ критики, когда дѣло идетъ о рабочихъ классахъ. Экономическая исторія показываетъ намъ, что ихъ вопіющая нищета явилась слѣдствіемъ прежняго законодательства, и трудно улучшить положеніе рабочихъ свободною конкуренціей, предоставивъ ихъ на произволъ судьбы.

Отрицая вмѣшательство государства въ ограниченіе рабочаго дня для взрослыхъ, я апплодировалъ, — говоритъ авторъ, — когда прошелъ законъ объ отвѣтственности предпринимателей, такъ какъ онъ уничтожалъ собою прежнія возмутительныя постановленія въ этой сферѣ. Я протестую противъ государственнаго вмѣшательства, — продолжаетъ онъ, — не потому, что отрицаю за нимъ способность исправить бѣды прошлаго, но потому, что считаю болѣе дѣйствительнымъ средствомъ сознательную борьбу самихъ заинтересованныхъ лицъ. Въ XV в., вопреки существующимъ законамъ, рабочіе добились восьмичасоваго дня, и пусть они завоюютъ его теперь своими собственными усиліями.

Что далъ рабочимъ протекціонизмъ? Хотя современные его защитники и говорятъ, что онъ представляетъ собою покровительство національному труду, т.-е. рабочему и капиталисту, поскольку тотъ является производителемъ, но въ дѣйствительности было не такъ: протекціонизмъ сводился только къ покровительству имущихъ классовъ. Бѣглый взглядъ на прошлое ясно покажетъ намъ, что сдѣлалъ онъ для настоящаго рабочаго; протекціонная политика никогда не была благоприятна для трудящихся массъ.

Никто не станетъ оспаривать, что покровительственная система имѣетъ цѣлью путемъ закона поднять цѣну извѣстныхъ продуктовъ въ данной странѣ. Разумѣется, отъ этого страдаютъ потребители, и такъ какъ чаще всего стараются поднять цѣну тѣхъ предметовъ, которые находятся во всеобщемъ употребленіи, то вполне естественно, что это отражается очень тяжело на неимущихъ классахъ. Сторонники протекціонной системы говорятъ: налагая пошлины на иностранный товаръ, мы хотя и повышаемъ цѣны продуктовъ, но взамѣнъ покровительствуемъ нашей промышленности и даемъ работу безработнымъ. Предположимъ, что новая протекціонная система получила бы признаніе, что на пищевые продукты, на хлопчатую бумагу, шерсть и ленъ наложены запретительныя пошлины, тогда случилось бы слѣдующее: рабочему пришлось бы платить за фунтъ хлѣба столько же, сколько онъ платилъ раньше за полтора; но такъ какъ онъ не могъ бы обойтись безъ хлѣба, то былъ бы принужденъ урѣзать себя на другихъ предметахъ, на одеждѣ и обуви. Спросъ на эти предметы сократился бы, а тогда нечего было бы и думать о расширеніи производ-

ства, и армія безработныхъ не только бы не уменьшилась, но, наоборотъ, увеличилась бы, а заработная плата упала.

Не слѣдуетъ забывать, что нація, практикующая систему покровительства, ставитъ себя въ невыгодное положеніе. Даже рѣшивъ ничего не покупать у другихъ странъ, она принуждена имъ продавать; она платитъ вдвое за свои покупки дома, тогда какъ при свободномъ обмѣнѣ могла бы покупать по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Аграріи, громко требующіе покровительства, слѣпы, — имъ бы слѣдовало, прежде всего, заняться улучшеніемъ своего хозяйства. Развѣ дешевый кормъ, который потребляетъ ихъ скоть, не вполне вознаграждаетъ дешевизну земледѣльческихъ продуктовъ?

Европа, клонящаяся все больше и больше къ протекціонизму, такъ же сильно заражена милитаризмомъ, и ни для кого не тайна, что большинство европейскихъ бюджетовъ на пути къ банкротству. Государства влѣзаютъ въ долги и покрываютъ ихъ, вводя новые налоги и пошлины на иностранные товары. Но такъ такъ прямые налоги довольно опасная вещь, потому что здѣсь заинтересованы богатые классы, то они всею своей тяжестью обрушиваются на потребителя.

Англія, отказавшаяся отъ протекціонной системы, достигла блестящихъ успѣховъ: она сдѣлалась торговымъ центромъ всего міра и кредиторомъ всѣхъ народовъ. Вывозъ англійскихъ товаровъ всегда привлекалъ вниманіе англійскихъ экономистовъ и государственныхъ людей. Давно уже поняли, что ввозъ долженъ вознаграждаться вывозомъ, хотя теорія торговаго баланса стремилась обезпечить англичанамъ барышъ, реализированный въ звонкой монетѣ. До тѣхъ поръ, пока англійская торговля ограничивалась Севильей и Балтійскимъ моремъ, мало занималась принципами, на которыхъ основывалась эта теорія. Но когда развилась торговля съ Индіей, явилась необходимость изучить ихъ поближе, такъ какъ сдѣлалось яснымъ, что она будетъ требовать постоянного вывоза англійскихъ денегъ. Индія ничего не производила сама, а только ввозила; да, и кромѣ того, ни одинъ изъ тогдашнихъ англійскихъ товаровъ не могъ быть обмѣненъ на ея продукты. Вывозъ денегъ изъ Англіи въ Индію былъ разрѣшенъ; его оправдывали тѣмъ, что Индія, вывозя привозные товары, вернетъ Англіи съ избыткомъ то количество денегъ, которое вышло изъ ея кассъ. Подобное соображеніе, — замѣчаетъ авторъ, — примѣнимо ко всякому международному обмѣну, но правители XVII и XVIII вв. допускали его только въ исключительномъ случаѣ — въ сношеніяхъ Англіи съ Индіей. Всѣ путались въ вопросѣ о вывозѣ и ввозѣ, предсказывая неизбѣжную гибель странъ, если она будетъ болѣе ввозить, чѣмъ вывозить.

А между тѣмъ вопросъ о вывозѣ и ввозѣ прекрасно объясняется системой займовъ и погашеній, существующихъ между странами. Англія щедро снабжаетъ другихъ своими капиталами, у нея векселей болѣе чѣмъ на два милліарда стерлинговъ, какъ утверждаютъ; но эта колоссальная цифра не представляетъ даже всего долга колоній. Англійскіе капиталы разлились по всей поверхности земного шара, во всѣхъ частяхъ міра основались англій-

скіе банки, доходы которыхъ выражены въ ежегодныхъ примесахъ, отсылаемыхъ въ Англию. Эти займы и примесы создаютъ кажущуюся путаницу въ статистикѣ международнаго обмѣна. Займы высылаются не звонкою монетой, а товаромъ. Если нѣсколько займовъ совершилось подъ-рядъ въ небольшой промежутокъ времени, вывозъ страны - заимодавца быстро повышается, ея индустрія процвѣтаетъ, торговля оживляется. Но тогда какъ вывезенные товары фигурируютъ въ столбцахъ вывоза, долговья обязательства, полученные взаимѣнъ, не помѣщаются въ столбцахъ ввоза. Если же страна, какъ, наприм., Англія, продолжаетъ давать займы въ теченіе многихъ лѣтъ, скопившіеся проценты по старымъ долгамъ, которые она получаетъ ежегодно, начинаютъ превосходить сумму новыхъ займовъ, совершенныхъ въ этотъ промежутокъ времени. А такъ какъ эти проценты уплачиваются товаромъ, то, несомнѣнно, ея ввозъ будетъ превышать вывозъ. Въ данномъ случаѣ излишекъ ввоза надъ вывозомъ свидѣтельствуетъ не о томъ, что страна даетъ больше, чѣмъ получаетъ, а какъ разъ наоборотъ, что она получаетъ больше, чѣмъ даетъ.

Если государство расходуетъ больше, чѣмъ на это можетъ удѣлить національное производство, оно принуждено дѣлать долги. Система государственныхъ займовъ съ гарантіей уплаты процентовъ и долга была позаимствована Европой у Нидерландовъ.

Европа многимъ обязана Голландіи: послѣдняя преподала ей науку земледѣлія и сообщила тайны кредита; она научилась въ голландской школѣ искусству навигаціи, взяла у нея первые уроки международнаго права, физики, механики, раціональной медицины и юриспруденціи. Голландія преподала ей принципы налоговой системы. Эта маленькая страна, изошривъ въ борьбѣ съ Испаніей всѣ средства, чтобы добыть необходимые ресурсы, довела эту науку до совершенства. Голландцы рѣшились прибѣгнуть къ займу только тогда, когда были истощены всѣ другія средства. При режимѣ налоговъ, которому не предвидѣлось конца, въ силу необходимости уплачивать проценты по сдѣланнымъ займамъ, все въ Голландіи было подвергнуто обложенію. Но голландцы никогда не считали возможнымъ облагать въ свою пользу чужія націи, они прекрасно знали, что торговля можетъ процвѣтать лишь тогда, когда она свободна.

Націи имѣютъ несомнѣнное право пускать въ ходъ всевозможныя средства, чтобъ избѣжать гибели или приостановки дальнѣйшаго прогресса. Но не увлекаются ли онѣ подчасъ безразсудными предпріятіями, поощряемые легкостью займа? Онѣ не должны забывать, что въ конечномъ итогѣ всякій заемъ падаетъ всей своей тяжестью на трудящіеся классы, такъ какъ влечетъ за собою введеніе новыхъ налоговъ. Портеръ въ своей книгѣ о *Прогрессѣ націй* прекрасно показалъ, что расходы по большой континентальной войнѣ отразились главнымъ образомъ на промышленныхъ рабочихъ. Все было тогда обложено въ Англии. Трудящіеся классы не имѣли голоса въ парламентѣ и ихъ жалобы потонули въ пустомъ пространствѣ. Если вводятся новые налоги, отъ этого страдаетъ больше всего бѣднякъ.

Намъ остается упомянуть еще о роли государства, въ качествѣ предпринимателя. Правительства имѣютъ склонность,—говоритъ Роджерсъ,—подавлять все больше и больше частную инициативу.

Посмотримъ,—замѣчаетъ авторъ,—какъ дѣйствуетъ англійское правительство въ качествѣ предпринимателя. Почта была создана въ Англии Кромвелемъ парламентскимъ актомъ 1657 г. въ интересахъ торговли и удобства полиціи. Этотъ актъ былъ утвержденъ при реставраціи и почта сдѣлалась однимъ изъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Защитники государственной монополіи утверждаютъ, что правительство прекрасно справляется со своею задачей; англійская почта функционируетъ съ такою быстротой и пунктуальностью, какую трудно встрѣтить при частной конкуренціи. Публика и государство отъ этого только выигрываютъ, такъ какъ,—съ одной стороны,—цѣны умѣренныя, а съ другой—доходы, поступающіе въ государственную казну, значительнѣе. Но достоинства англійской почты,—говоритъ авторъ,—объясняются вовсе не рвеніемъ правительства, а главнымъ образомъ критикой публики.

Совсѣмъ другой примѣръ представляетъ выкупъ государствомъ телеграфовъ. Прежде всего, онъ наглядно покажетъ намъ, на какія препятствія натывается правительство всякій разъ, когда оно думаетъ выступить въ качествѣ предпринимателя. Когда правительство вступило въ переговоры съ различными компаніями, послѣднія запросили неслыханную цѣну. Проще было бы создать новое предпріятіе и вступить съ ними въ конкуренцію. Но покупка состоялась. Потому—то нигдѣ отправка телеграммъ не стѣитъ такъ дорого, какъ въ Англии, а доходы едва покрываютъ проценты съ выкупной суммы. Что же касается англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, то онѣ представляютъ вполне дѣло частной антрепризы, и нужно замѣтить, что нигдѣ, ни въ одной цивилизованной странѣ, не организована такъ хорошо перевозка пассажировъ и транспортъ владѣй, какъ въ Англии. А, между тѣмъ, и здѣсь поговариваютъ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ государствомъ. Есть кое-какія соображенія за; но, съ другой стороны, разъ государство не будетъ нести той же отвѣтственности, какой оно подчинило желѣзнодорожныя компаніи, не опасно ли подвергать случайностямъ имущество и жизнь пассажировъ? Компаніи, боясь огромныхъ вознагражденій за несчастные случаи, въ своихъ же интересахъ принимаютъ всѣ мѣры предосторожности, тогда какъ чиновники, не участвуя въ дивидендахъ, не будутъ руководиться подобными соображеніями. Да и, кромѣ того, развѣ опытъ не показываетъ намъ, что, наоборотъ, нужно сужать, а не расширять кругъ правительственныхъ полномочій? Централизація развилась до того, что парламентъ не въ состояніи выполнить всѣхъ взягыхъ на себя обязательствъ. Выкупъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ розовѣетъ еще больше бюрократію, которая и безъ того уже сильна.

Да и, наконецъ, развѣ компаніи согласятся уступить государству свое предпріятіе за умѣренную цѣну? Не потребуютъ ли онѣ такого же громад-

наго вознагражденія, какъ при продажѣ телеграфовъ? А отъ этого пострадаютъ опять англійскій народъ, на котораго обрушится вся тяжесть налоговъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о предпринимательской роли государства въ сферѣ промышленности. Я не буду касаться,—замѣчаетъ Роджерсъ,—той его роли, какую возлагаютъ на него нѣкоторыя социалистическія группы, предлагая ему выступить въ качествѣ единственнаго и универсальнаго предпринимателя, регулирующаго всѣ виды промышленности и распредѣляющаго продукты на основаніи строгой справедливости; я разсмотрю его другую, менѣе широкую роль, когда оно выступаетъ въ качествѣ обыкновеннаго предпринимателя, конкурирующаго съ другими въ поставкѣ различныхъ предметовъ, и покажу, какъ оно справляется съ своей задачей.

Послѣ того, какъ англійскій парламентъ вотировалъ субсидіи для морскихъ сооруженій, корона основала верфи и морскіе арсеналы. Долгое время королевскіе арсеналы были единственными поставщиками военныхъ кораблей, но съ развитіемъ техники у нихъ явились конкуренты, которые были въ состояніи выдерживать съ ними конкуренцію, благодаря введенію различныхъ усовершенствованій, вродѣ навѣсовъ для защиты отъ бомбъ большого калибра. Иностранныя державы стали поручать имъ свои заказы. Но, несмотря на это, правительство продолжало развивать государственную индустрію и предприняло даже фабрикацію ружей и холоднаго оружія, сосредоточивъ на своихъ заводахъ изготовленіе всѣхъ военныхъ снарядовъ, для національной обороны.

Конечно, все это обходилось ему гораздо дороже, чѣмъ частнымъ предпринимателямъ, такъ какъ въ цѣну производства приходилось включать еще расходы по администраціи, но оно упрямо стояло на своемъ. Кромѣ того, здѣсь открывался широкій просторъ для различнаго рода злоупотребленій и фаворитизма. Случалось не разъ, что техники и изобрѣтатели, часто довольно неспособные, стоявшіе во главѣ администраціи, закрывали доступъ своимъ конкурентамъ извнѣ, а государственная казна должна была платиться за ихъ неудачныя попытки въ сферѣ изобрѣтеній.

Нація будетъ рукоплескать намъ,—говоритъ въ заключеніе Роджерсъ,—когда мы разоблачимъ всѣ тайны злоупотребленій, которыми окутана она.

И. Г.

Совѣсть въ исторіи одной жизни.

I.

Никогда, кажется, въ теченіе всей человѣческой исторіи такъ часто и настойчиво не произносилось слово *скучно*, какъ въ наши дни. Оно, повидимому, замѣнило собой множество самыхъ разнообразныхъ понятій—философскаго, художественнаго и практическаго характера. Больше не говорятъ: это разсужденіе „нелогично, литературное произведеніе — дурного направленія и слабаго таланта, человѣкъ держится сомнительныхъ убѣжденій. Нѣтъ: будь то книга или личность,—достаточно бросить—*скучно*,—и эти два слога покроютъ собой и логику, и талантъ, и принципы.

Всегда, конечно, имѣлся обширный разрядъ людей, специально преданныхъ скукѣ. Во всѣ времена существовали и будутъ существовать одряблѣвшіе пошляки, едва обладающіе способностью реагировать на простѣйшія физиологическія впечатлѣнія и по необходимости все, кромѣ этихъ впечатлѣній, клеймящіе эпитетомъ—*скучно*. Не мало также было и будетъ лукавыхъ глупцовъ и находчивыхъ невѣждъ, искусно прикрывающихъ неразуміе и ограниченность многозначительнымъ скучающимъ видомъ. Все это—обычные отбросы цивилизаціи и ради нихъ не стоило бы тратить словъ.

Но нашему времени выпало на долю измѣнить исконную картину скучающаго человѣчества. Удручающій вздохъ или даже злобный крикъ—*скучно*—слышится изъ устъ благородныхъ и мудрыхъ пожалуй даже чаще, чѣмъ изъ низкихъ и неразумныхъ. Стѣдуетъ присмотрѣться къ современной литературѣ, чтобы почувствовать всю необъятность царства скуки надъ человѣкомъ конца XIX вѣка.

Еще не особенно давно на литературной сценѣ разыгрывались изумительно шумныя и яркія зрѣлища, происходили настоящія генеральныя сраженія—на жизнь и смерть той или другой школы, художественной идеи, или просто—одного избраннаго таланта. Откройте газеты или журналы, все равно иностранныя или русскіе, — положимъ тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ,—вы сразу очутитесь будто въ другомъ мірѣ... И изъ-за чего, скажете вы, эти люди портили столько крови, выходили изъ себя изъ-за какой-то философской или эстетической Гекубы, писали такія длинныя и

